РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I.

Ъ НЫНѢШНЕМЪ ГОДУ, 25-го іюня, исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія императора Николая Павловича. Теперь еще не наступило время для оцѣнки дѣятельности этого замѣчательнаго государя, такъ какъ, по близости разстоянія и недоступности наиболѣе важныхъ архивныхъ документовъ, мы не можемъ отнестись къ его царствованію съ полной безпристрастностью. Но на современникахъ его лежитъ обязанность собиранія матеріаловъ, для всесторонней обрисовки его личности и дѣятельности.

Съ этою цѣлью я записалъ нѣсколько случаевъ изъ жизни императора, изъ которыхъ однимъ я самъ былъ очевидцемъ, а о другихъ слышалъ отъ людей, мнѣ близкихъ и заслуживающихъ довѣрія.

I.

Бѣлорусскій бунтъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ (1842—1844) въ городѣ Гатчинѣ поднялась большая тревога: разнесся слухъ, что на Петербургъ двигается толпа народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, изъ Бѣлоруссіи, и находится уже недалеко отъ Гатчины. Жители города, не зная хорошо, въ чемъ дѣло, перепугались не на шутку, обращались къ властямъ за разъясненіемъ, но и отъ нихъ ничего не могли добиться. Слухъ этотъ, между тѣмъ, подтвердился тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ Петербурга направлены были военныя

команды навстрѣчу незванымъ гостямъ, которыя, проходя черезъ Гатчину, въ боевомъ порядкѣ, еще болѣе усилили общее смятеніе.

— Значитъ, дѣло не шуточное,—толковали въ городѣ,—если гвардію отправляютъ на усмиреніе.

Дѣйствительно, верстахъ въ двадцати или тридцати за Гатчиной, войска встрѣтили толпы крестьянъ и, разумѣется, остановили ихъ. Всю эту массу народа оцѣпили войсками и начали производить слѣдствіе.

— Что вы за люди, куда и зачѣмъ идете?

Изъ отвѣтовъ крестьянъ выяснилось нѣчто удивительно странное, показывающее не въ первый разъ, какъ въ темной массѣ народа путаются самыя странныя представленія, сказочныя съ дѣйствительными. Весь этотъ пресловутый бунтъ былъ основанъ единственно на соименности трехъ понятій: Бѣлоруссія, Бѣлый царь и Бѣлое море.

Несчастные бѣлоруссы, угнетенные польской шляхтой и еврействомъ, долго измышляли, какъ бы имъ выйти изъ своего тяжелаго и невыносимаго положенія. Нашлись между ними люди, которые по наивности или изъ какихъ нибудь корыстныхъ побужденій втолковали имъ, что такъ какъ они бѣлоруссы, то у нихъ есть свой, настоящій Бѣлый царь, который, конечно, сидитъ на Бѣломъ морѣ, куда они и должны идти отыскивать его, чтобы онъ водворилъ на землѣ правду. Такъ какъ вся Россія называетъ императора Бѣлымъ царемъ, и къ этому названію каждый россіянинъ привыкаетъ съ дѣтства, то не мудрено, что не хитрые бѣлоруссы повѣрили смутителямъ, послѣ чего отыскивать царя именно на Бѣломъ морѣ было уже вполнѣ естественнымъ. Вотъ они и поднялись всею массою, съ самыми мирными намѣреніями дойти до Бѣлаго моря и отыскать тамъ Бѣлаго царя. Дорогою они не производили никакихъ безчинствъ и ни въ какой продерзости не были замѣчены.

Но это массовое движеніе ихъ было все-таки нарушеніемъ государственнаго порядка, при чемъ тогдашнее полицейское начальство, ради выслуги, постаралось представить дѣло въ болѣе страшномъ видѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Простое движеніе темнаго и обманутаго люда было истолковано, какъ бунтъ, не менѣе страшный пугачевскаго, на томъ основаніи, что эти несчастные и забитые бѣлоруссы не признавали будто бы царствовавшаго государя, а хотѣли отыскать какого-то иного.

Исправникомъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, въ Гатчинѣ былъ полковникъ Ольдерогге, вѣдѣнію котораго подлежали всѣ окрестные крестьяне. Онъ обращался съ ними крайне жестоко и несправедливо, отягощая всякими поборами въ свою пользу. До какой степени крестьяне-чухны его ненавидѣли, можно судить по тому случаю, что однажды, когда Ольдерогге устроилъ у себя балъ, на расходы по которому предварительно собралъ съ подвластныхъ ему чухонъ обильную дань, они собрались толпою передъ его домомъ и во время

самаго разгара бала бросили въ окна цѣлую тучу каменьевъ и кирпича, ушибивъ многихъ гостей и перебивъ, конечно, стекла въ въ двойныхъ рамахъ, такъ какъ дѣло было зимой. Разумѣется, балъ поневолѣ прекратился, такъ какъ, кромѣ перепуга собравшагося общества, невозможно было продолжать пированье зимою безъ оконъ. Устроивъ такую штуку, чухны, понятно, разбѣжались, но нѣкоторыхъ успѣли догнать. Помнится мнѣ, что вся Гатчина долго толковала объ этомъ случаѣ и о той жестокой расправѣ, которую произвелъ Ольдерогге надъ виноватыми, попавшимися ему въ руки.

Этому-то Ольдерогге, какъ опытному и ретивому управителю, поручено было и слѣдствіе надъ задержанными бѣлоруссами. Легко понять, что онъ не положилъ охулки на руку и вмѣсто того, чтобы разъяснить темнымъ людямъ ихъ заблужденіе и мирно отправить домой, онъ раздулъ это дѣло въ настоящій бунтъ, разсчитывая на достойную награду. Многіе изъ бѣлоруссовъ, признаные болѣе виновными, были наказаны плетьми и сосланы въ Сибирь; остальные подъ сильнымъ конвоемъ были отправлены по домамъ, гдѣ, какъ говорили, ихъ всѣхъ пересѣкли, вѣроятно, для болѣе прочнаго водворенія на мѣстѣ.

Но впослѣдствіи я слышалъ, что кто-то изъ приближенныхъ къ государю рѣшился разъяснить ему настоящій характеръ бѣлорусскаго движенія. Произведено было новое слѣдствіе, и сосланные бѣлоруссы возвращены на родину. Ольдерогге былъ отрѣшенъ отъ должности, къ великой радости подвластныхъ ему чухонъ.

II.

Ученическая исторія.

Я не скажу, чтобы въ такъ называемое доброе старое время педагогія особенно процвѣтала. Существовавшее въ то время крѣпостное право накладывало на всѣ стороны жизни свой отпечатокъ, не оставивъ безъ вниманія и педагогическую дѣятельность.

Главнымъ орудіемъ воспитанія считалась тогда березовая розга. Я почти не знаю примѣра, чтобы ученикъ того времени могъ пройти семь или восемь гимназическихъ классовъ, ни разу не подвергнувшись дѣйствію березы. Понятно, что на учениковъ младшихъ и среднихъ классовъ она производила впечатлѣніе преимущественно физическое. Но ученики высшихъ классовъ, у которыхъ уже были развиты болѣе или менѣе понятія о чести и достоинствѣ человѣка, относились къ розгѣ иначе, и для нихъ такое наказаніе было болѣе нравственнымъ, чѣмъ физическимъ.

Въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ того времени попадались иногда хорошіе преподаватели и воспитатели, но такихъ было не

много, и они составляли безсильное меньшинство. Изъ числа таковыхъ я припоминаю извѣстнаго въ свое время историка Смарагдова, также старика Василія Петровича Шульгина, человѣка высоко-образованнаго и гуманнаго; профессора физики Щеглова, преподавателей юридическихъ наукъ: Преображенскаго и Деппа. Изъ воспитателей оставили добрую память старшій надзиратель Галлеръ, младшій надзиратель Шуманъ.

Большинство же какъ преподавателей, такъ и воспитателей не отличались ни особеннымъ образованіемъ, ни тѣмъ болѣе умѣньемъ заслужить уваженіе воспитанниковъ. Вслѣдствіе этого, не мудрено, что между воспитателями и учениками старшихъ классовъ часто возникали недоразумѣнія.

Одно изъ подобныхъ недоразумѣній, къ несчастію участвовавшихъ въ немъ учениковъ, случилось осенью, не задолго, или почти наканунѣ, переѣзда въ Гатчину императора. Ученики старшаго, выпускнаго класса, юноши около двадцати лѣтъ, въ чемъ-то не поладили съ своимъ воспитателемъ и надѣлали ему дерзостей. Тогдашній директоръ института, Григорій Ивановичъ фонъ-Дервизъ, приказалъ главныхъ виновниковъ наказать розгами, не смотря на протесты другихъ воспитателей. Экзекуція была произведена публично, то-есть въ присутствіи всѣхъ учениковъ двухъ или трехъ старшихъ классовъ. Хотя наказаніе было самое легкое, такъ какъ каждому дали не болѣе двухъ или трехъ ударовъ розгами, но оно было въ высшей степени оскорбительно для взрослыхъ юношей, которые разсчитывали въ скоромъ времени быть самостоятельными людьми и вступить въ общество. По окончаніи экзекуціи, они, понятно, ожесточенные такимъ обращеніемъ съ ними, еще болѣе возмутились и обратили свою месть на фонъ-Дервиза, который, какъ говорили, пострадалъ при этомъ.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, исторія эта разгоралась болѣе и болѣе.

Почетнымъ опекуномъ института въ то время былъ Сергѣй Степановичъ Ланской, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ. На время пребыванія государя въ Гатчинѣ онъ также всегда пріѣзжалъ туда, останавливаясь въ особой небольшой квартирѣ, предназначенной исключительно для него, въ самомъ зданіи института. Бывши мальчикомъ, я попросилъ разъ сторожа при этой квартирѣ показать мнѣ ее, когда тутъ жилъ Ланской, но отлучился во дворецъ. Квартира состояла изъ четырехъ небольшихъ комнатъ: спальной, уборной, гостиной и кабинета. Въ уборной меня поразило то, что на одномъ столикѣ я увидѣлъ шесть или семь подставокъ съ париками.

— Зачѣмъ у него такъ много париковъ?—спросилъ я сторожа.

— Это, изволите ли видѣть, для того,—объяснилъ онъ,—что они надѣваютъ парики по очереди: спервоначалу надѣнутъ примѣрно

вотъ этотъ, съ самыми короткими волосами и поносятъ его нѣсколько дней. Потомъ надѣнутъ вотъ этотъ, у котораго волоса чуточку подлиннѣе, и тоже поносятъ его нѣсколько дней. Потомъ вотъ этотъ, еще подлиннѣе, и такъ до послѣдняго. Послѣ того надѣваютъ съ самыми короткими волосами: оно и выходитъ такъ, какъ будто у нихъ собственные волоса ростутъ, и будто они ихъ подстригаютъ.

Но это—между прочимъ. Дѣло же въ томъ, что исторія съ учениками старшаго класса столько нашумѣла, что Ланской долженъ былъ доложить о ней лично государю, изъ предосторожности, чтобы слухъ о ней не дошелъ до него сторонними путями.

Пріѣхавъ въ институтъ, императоръ Николай Павловичъ потребовалъ представить себѣ два старшихъ класса и высказалъ имъ свое крайнее неудовольствіе за случившееся, а въ заключеніе приприказалъ главныхъ виновниковъ сдать въ солдаты.

Такое строгое рѣшеніе испугало Ланского, который видимо не ожидалъ подобнаго исхода дѣла. Не смотря на гнѣвъ государя, онъ осмѣлился робко замѣтить, что главные виновники за все время пребыванія въ институтѣ вели себя хорошо и были лучшими учениками, во имя чего и просилъ пощадить ихъ.

Государь на это ходатайство отвѣтилъ:

— Мнѣ не нужно ученыхъ головъ, мнѣ нужно вѣрноподданныхъ.

Далѣе просить было, конечно, невозможно. Несчастныхъ отдѣлили въ особое помѣщеніе, и они уже готовились надѣть солдатскія шинели, но, къ счастью ихъ, чрезъ нѣсколько времени государь смилостивился, не знаю по собственному ли почину, или вслѣдствіе чьего нибудь ходатайства, только отъ солдатчины они были избавлены и отправлены на службу въ провинціальные города.

Выраженіе государя, приведенное мною, въ высшей степени характерно: оно чрезвычайно выпукло обрисовываетъ его историческую фигуру и объясняетъ большую часть явленій его царствованія. Ни къ чему такъ строго и безпощадно не относился императоръ Николай Павловичъ, какъ ко всякому проявленію неповиновенія или вообще протеста противъ какой бы то ни было власти. Самый венгерскій походъ былъ предпринятъ, въ противность политическимъ интересамъ Россіи, ради все того же принципа. Человѣкъ добрый, любящій, внимательный къ нуждамъ каждаго, очень часто трогательно нѣжный, какъ это увидимъ далѣе, онъ становился суровымъ и безпощаднымъ при малѣйшемъ проявленіи того, что въ тѣ времена называлось либеральнымъ духомъ. Суровую военную дисциплину, съ ея безмолвнымъ повиновеніемъ и безропотнымъ подчиненіемъ младшаго старшему, онъ неукоснительно проводилъ и во весь строй гражданской жизни и въ этой строгой и общей субординаціи видѣлъ главнѣйшій залогъ благосостоянія и могущества имперіи.

III.

Генералъ-губернаторъ Кавелинъ.

Императоръ Николай никогда не оставлялъ своихъ вѣрныхъ слугъ и заботился объ нихъ съ трогательнымъ вниманіемъ. Когда какой нибудь заслуженный генералъ дѣлался отъ старости или болѣзни уже негоднымъ къ дѣйствительной службѣ, государь создавалъ для него какое нибудь почетное мѣсто, чтобы отставкою не оскорбить старика. Такъ однажды въ Гатчинѣ одновременно служили: полицеймейстеръ города, комендантъ города, Люце, и особый комендантъ дворца, старый генералъ, фамиліи котораго не помню. И первымъ-то двумъ въ такомъ маленькомъ городѣ дѣлать было нечего, а послѣдній былъ присланъ государемъ совсѣмъ ужъ сверхкомплектнымъ.

Когда бывшій военный губернаторъ Петербурга, генералъ Кавелинъ, захворалъ психическимъ разстройствомъ, государь, по совѣту докторовъ, прислалъ его въ Гатчину, отвелъ ему помѣщеніе въ самомъ дворцѣ и приказалъ исполнять всѣ его прихоти, какъ бы странны онѣ ни были. Воля государя была свято исполняема всѣми начальствующими лицами.

Помню такіе случаи. Однажды, ночью, къ моему отцу, бывшему въ то время главнымъ надзирателемъ въ Гатчинскомъ институтѣ, прибѣжалъ сторожъ объявить, что въ институтъ пріѣхалъ генералъ Кавелинъ и требуетъ священника. Наскоро одѣвшись, отецъ пошелъ узнать, въ чемъ дѣло, и засталъ Кавелина въ одномъ залѣ, передъ церковью.

— Гдѣ священникъ?—спросилъ Кавелинъ.

— Онъ живетъ въ городѣ, въ частномъ домѣ, ваше высокопревосходительство.

— Пошлите сейчасъ за нимъ, надо служить молебенъ, а я тутъ подожду.

Нечего было дѣлать, отецъ мой послалъ за священникомъ, а Кавелинъ сѣлъ на подоконникъ и терпѣливо ждалъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ онъ соскучился.

— Вы кто такой?—спросилъ онъ отца.

— Старшій надзиратель.

— А! Гдѣ же ваши воспитанники?

— Въ спальняхъ, ваше высокопревосходительство; теперь третій часъ ночи.

— Покажите мнѣ спальни!

— Пожалуйте.

Пошли они по спальнямъ. Кавелинъ обходилъ ихъ, осматривалъ, разспрашивалъ и, повидимому, остался доволенъ. Пока они занимались осмотромъ, пришелъ священникъ, о чемъ сторожъ, бѣгавшій за нимъ, не замедлилъ увѣдомить. Кавелинъ вернулся въ церковь

и приказалъ служить молебенъ. Помолившись очень усердно, Кавелинъ поблагодарилъ священника и моего отца и спокойно отправился пѣшкомъ во дворецъ.

Въ другой разъ, также ночью, онъ вышелъ изъ дворца въ одномъ бѣльѣ и направился въ казармы кирасирскаго полка, расположенныя рядомъ съ дворцомъ. Часовому онъ приказалъ позвать трубача, и когда тотъ явился, Кавелинъ велѣлъ ему трубить тревогу.

Весь полкъ долженъ былъ подняться. Дежурный офицеръ подошелъ къ Кавелину спросить, въ какой формѣ онъ прикажетъ явиться.

— Въ какой формѣ! Разумѣется, въ походной,—отвѣчалъ Кавелинъ.

Солдаты одѣлись, осѣдлали лошадей. Разосланы были гонцы по офицерамъ, которые всѣ жили въ разныхъ мѣстахъ города.

Когда, наконецъ, весь полкъ собрался, Кавелинъ велѣлъ подать себѣ лошадь, вывелъ полкъ на поле передъ дворцомъ и началъ производить ученіе. На предложеніе одѣться, чтобы не схватить простуду отъ ночной сырости, будучи въ одномъ бѣльѣ, онъ упорно отказался. Занявшись этимъ около часу времени, онъ отпустилъ солдатъ по казармамъ, а офицеровъ пригласилъ къ себѣ на утренній чай.

Третій случай, который, я помню, носилъ нѣсколько комическій характеръ. Кавелинъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ коменданта Люце, командира кирасирскаго полка Туманскаго и директора института фонъ-Дервиза.

Когда подали супъ, Кавелинъ вывалилъ къ себѣ въ тарелку все содержимое судка: уксусъ, прованское масло, горчицу, перецъ, соль, размѣшалъ все это съ супомъ и началъ предлагать своимъ гостямъ. Тѣ, разумѣется, отказывались попробовать такого кушанья.

— Эхъ, вы, господа!—сказалъ онъ:—ничего-то вы не понимаете въ гастрономіи.

Взявъ ложку, онъ началъ ѣсть, но послѣ двухъ-трехъ ложекъ самъ поморщился и сплюнулъ, запивъ виномъ. Послѣ обѣда онъ предложилъ своимъ собесѣдникамъ выйти на дворцовый плацъ и, построивъ ихъ въ рядъ, заставилъ бѣгать въ перегонку. Понятно, что эти лица, частью по старости, какъ Люце, частью изъ чувства собственнаго достоинства, бѣгали не особенно-то ретиво, такъ что Кавелинъ обогналъ ихъ, чѣмъ остался чрезвычайно доволенъ...

Обо всѣхъ подобныхъ выходкахъ больного доносили государю, по его приказанію. Впрочемъ, Кавелинъ недолго стѣснялъ власти своими причудами, такъ какъ болѣзнь скоро приняла острый характеръ, и онъ скончался, не прійдя въ себя.

IV.

Наказаніе архитектора.

Однажды ремонтировался или, вѣрнѣе сказать, заново передѣлывался правый флигель Гатчинскаго дворца. Государь выразилъ желаніе, чтобы къ осени, именно ко времени его пріѣзда въ Гатчину, работы были окончены. Передѣлками этими завѣдывалъ архитекторъ К—скій, который, желая отличиться, принялъ очень своеобразный способъ для того, чтобы скорѣе осушить мокрую штукатурку. Для этого, кромѣ топки печей, онъ клалъ на ночлегъ въ комнатахъ рабочихъ, которые своимъ дыханіемъ должны были ускорить осушку. Неизвѣстно, помогло ли это средство осушкѣ стѣнъ, но что среди рабочихъ появилась масса заболѣвшихъ—это было вѣрно.

Вѣроятно, государю еще въ Петербургѣ кто нибудь сообщилъ о варварскомъ распоряженіи архитектора. По крайней мѣрѣ, когда онъ пріѣхалъ въ Гатчину и пошелъ осматривать передѣланную часть дворца, то потребовалъ архитектора, и когда этотъ явился, государь взялъ его за ухо и такимъ способомъ провелъ по всѣмъ тѣмъ комнатамъ, въ которыхъ спали несчастные рабочіе. Можно себѣ вообразить положеніе архитектора, котораго государь велъ за ухо, какъ какого нибудь школьника, въ присутствіи свиты и многихъ служащихъ во дворцѣ.

Разумѣется, архитекторъ, составившій себѣ до того времени довольно извѣстное имя, послѣ этого приключенія совершенно исчезъ съ горизонта петербургской жизни. Самаго архитектора этого я не зналъ лично, но впослѣдствіи встрѣчался въ одномъ домѣ съ его братомъ, техникомъ морскаго вѣдомства, который подтвердилъ мнѣ вѣрность разсказа объ этомъ случаѣ.

V.

Осушеніе звѣринца.

Въ Гатчинѣ, за дворцовымъ садомъ, непосредственно къ нему прилегаетъ такъ называемый звѣринецъ, то-есть огромное мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ пять или шесть квадратныхъ верстъ, огороженное сплошнымъ высокимъ частоколомъ. Въ этомъ звѣринцѣ содержались стада ланей, оленей, нѣсколько ословъ и имѣлась дворцовая молочная ферма.

Мѣстность эта представляла почти сплошныя лѣсистыя болота, по которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вдоль и поперегъ, проложены были не широкія шоссейныя дороги.

Государь пожелалъ привести этотъ звѣринецъ въ нѣкоторый порядокъ и осушить болота. Для этого нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, по окончаніи лагерныхъ сборовъ въ Красномъ Селѣ, именно въ августѣ мѣсяцѣ, въ Гатчину приходилъ гвардейскій саперный баталіонъ, подъ надзоромъ котораго и производились работы крестьянами или пѣхотными солдатиками, отпускавшимися послѣ лагерей на заработки.

Работы осушенія состояли въ томъ, что въ болотѣ прокапывались широкіе каналы, земля или торфъ изъ которыхъ выбрасывались рядомъ, образуя острова. Каждый такой островъ обивался кругомъ не толстыми сваями, на разстояніи другъ отъ друга, которыя переплетались тростникомъ, чтобы берега насыпанныхъ острововъ не расползались и не обваливались.

Для выемки земли машинъ никакихъ не было, и вся эта египетская работа производилась лопатами. Для этого рабочимъ приходилось по нѣсколько часовъ стоять въ водѣ по колѣна, а не то и по поясъ, какъ для выемки земли, такъ и для того, чтобы переплетать сваи.

Работы, съ которыми очень спѣшили, производились всю осень, не разбирая никакой погоды, до самыхъ заморозковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ между рабочими развивались всевозможныя простудныя болѣзни, часто со смертельнымъ исходомъ, и они гибли цѣлыми сотнями, переполняя всѣ гатчинскія больницы. Но въ больницы попадала только малая часть счастливцевъ; наибольшую же массу больныхъ разсылали просто по окрестнымъ деревнямъ, гдѣ и предоставляли умирать, какъ кому угодно.

Понятно, что все это тщательно скрывали отъ государя, иначе онъ не допустилъ бы такого массоваго истребленія народа. Если архитектора, положившаго рабочихъ спать въ сырыхъ комнатахъ дворца, государь выдралъ за ухо, то, конечно, жестоко наказалъ бы такихъ распорядителей по осушкѣ болотъ.

Благодаря осушкѣ и образованію островковъ, звѣринецъ принялъ очень красивый видъ.

Императоръ Николай Павловичъ не былъ страстнымъ любителемъ охоты. Иногда онъ выходилъ съ ружьемъ въ дворцовый паркъ или въ звѣринецъ, подстрѣливалъ пару дикихъ утокъ, да и то рѣдко. Случалось, что въ звѣринцѣ устраивалась охота на оленей, но это дѣлалось исключительно для развлеченія какого нибудь иностраннаго гостя. Устраивалась также охота и на медвѣдей. Для этого пойманныхъ медвѣдей выпускали въ звѣринцѣ, и ихъ надо было непремѣнно убить, иначе они задрали бы потомъ оленей илиословъ.

На одной изъ такихъ охотъ большой медвѣдь сильно поломалъ егеря, хотѣвшаго взять его на рогатину. Случилось это на глазахъ государя. Егерь, послѣ этой схватки съ медвѣдемъ, оказался никуда

негоднымъ инвалидомъ, и государь назначилъ ему такую хорошую пенсію, что онъ могъ жить не только безбѣдно, но и съ большими удобствами. Я знавалъ этого старика и лично отъ него слышалъ разсказъ объ его борьбѣ съ медвѣдемъ.

VI.

Поѣздки императора Николая I.

При Николаѣ I, какъ извѣстно, были выстроены у насъ только двѣ желѣзныя дороги: Царскосельская и Николаевская. Между тѣмъ онъ довольно часто ѣздилъ въ Варшаву и другіе города, сообщеніе съ которыми производилось исключительно на почтовыхъ лошадяхъ. Такъ какъ на подобныя поѣздки поневолѣ тратилось много времени, то не мудрено, что императоръ требовалъ наивозможно быстрой ѣзды. Для этого на всѣхъ станціяхъ по пути отъ Петербурга, напримѣръ, до Варшавы держались для него особыя лошади, такъ называемыя — курьерскія, которыя только и употреблялись для курьеровъ и для государя и болѣе никому, ни за какія деньги и ни подъ какимъ предлогомъ не отпускались. Да ихъ и нельзя было отпускать, такъ какъ электрическихъ телеграфовъ еще не было, и неизвѣстно было, когда можетъ прискакать курьеръ. А сохрани Боже, еслибъ на какой нибудь станціи курьеръ не нашелъ готовыхъ лошадей.

Государь никогда не ѣздилъ въ каретѣ или вообще въ закрытомъ экипажѣ. Лѣтомъ ему подавали крѣпкую рессорную коляску, а зимою широкія пошевни, покрытыя коврами. Если случалось лѣтомъ, что коляска дорогою сломается, то государь пересаживался въ простую почтовую телѣгу и въ ней продолжалъ путь, пока на какой нибудь станціи не найдется болѣе удобный экипажъ, тарантасъ или коляска.

Передъ экипажемъ государя, на полчаса или на часъ впереди его, всегда скакалъ курьеръ, обязанность котораго была предупреждать станціонныхъ смотрителей о пріѣздѣ государя. Свѣжія лошади, вполнѣ снаряженныя и съ готовымъ ямщикомъ, выводились на самую дорогу, и какъ только государь пріѣзжалъ, то одни ямщики мгновенно отстегивали старыхъ лошадей, а другіе пристегивали новыхъ, ямщикъ вскакивалъ на козлы, и государь мчался далѣе. Эта перепряжка лошадей продолжалась едва ли болѣе минуты, а то и менѣе. Каждый станціонный смотритель и всѣ ямщики старались щеголять быстротою перепряжки, зная, какъ государь не любилъ, чтобы его задерживали хоть на одну лишнюю секунду.

Осенью и зимою, въ темное время, кромѣ передового курьера, ѣхалъ впереди государя еще второй курьеръ, всего въ нѣсколькихъ

саженяхъ предъ царскимъ экипажемъ. Обязанность этого второго курьера заключалась въ томъ, чтобы зажженными факелами освѣщать путь. Для этого у него въ саняхъ или въ телѣгѣ, смотря по времени года, лежалъ цѣлый пукъ факеловъ, которые постепенно зажигались, обращенные огнемъ назадъ, къ сторонѣ царскаго экипажа. Такимъ образомъ для проѣзда государя, смотря по времени года, требовалось отъ двухъ до трехъ четверокъ лошадей на каждой станціи.

Нормы для быстроты ѣзды не было никакой. Ямщикъ обязанъ былъ гнать лошадей, на сколько только у нихъ хватало силъ. Подъѣзжать къ станціи, задерживая ходъ лошадей издали и постепенно, также было нельзя. Ямщики осаживали лошадей на всемъ скаку, разомъ у самой станціи. Отъ этого почти на каждой станціи, одна или двѣ лошади, а зачастую и вся четверка, мгновенно падали мертвыми, какъ бы подстрѣленныя или убитыя молніею. Во время одного изъ проѣдовъ государя отъ Варшавы до Петербурга, на всемъ пути, были убиты такимъ образомъ 144 лошади.

Изъ этого можно судить, какія неудобства представляли поѣздки того времени сравнительно съ нынѣшними! Напримѣръ, освѣщеніе дороги факелами передъ самымъ экипажемъ не могло же обходиться безъ того, чтобы запахъ отъ смолистыхъ факеловъ не достигалъ до царскаго экипажа. А чего стоила тряска лѣтомъ или толчки по ухабамъ зимою! Все это кануло въ вѣчность, а было сравнительно такъ еще недавно...

Государь щедро расплачивался съ ямщиками и станціонными смотрителями, во время своихъ поѣздокъ. Ямщикамъ онъ давалъ по десяти, пятнадцати и даже по двадцати пяти рублей на водку, и понятно, что, кромѣ чести провезти государя, ямщики изъ кожи лѣзли провезти его лихо, именно такъ, какъ онъ любилъ, чтобы заслужить щедрую на водку. Многихъ ямщиковъ, угодившихъ ему ѣздою, онъ помнилъ по именамъ и на станціяхъ, гдѣ они жили, требовалъ, чтобы ему давали именно этихъ, замѣченныхъ и отличенныхъ имъ.

За павшихъ лошадей придворная контора уплачивала подрядчикамъ. Однажды государь обратилъ вниманіе на слишкомъ большое число лошадей, показанныхъ павшими во время его поѣздки. Въ слѣдующій разъ онъ далъ себѣ трудъ самому сосчитать загнанныхъ лошадей. За весь путь онъ насчиталъ такихъ десятокъ или около того, а въ счетахъ придворной конторы показано было потомъ почти до двухъ сотенъ. На его вопросъ о причинѣ такой разницы въ цифрахъ дѣйствительной и бумажной опытные люди спокойно отвѣтили, что не всѣ лошади падаютъ непремѣнно при самой остановкѣ, а дышатъ еще нѣсколько времени, но все-таки околѣваютъ черезъ нѣсколько часовъ. Такъ какъ повѣрять такія показанія не было никакой возможности, потому что въ паденіи

лошадей были заинтересованы всѣ прикосновенныя къ этимъ дѣламъ лица и всѣ, разумѣется, поддерживали другъ друга, то поневолѣ пришлось помириться съ этимъ явленіемъ и платить за цѣлыя сотни будто бы павшихъ лошадей.

VII.

Графъ Клейнмихель.

Изъ числа приближенныхъ къ императору Николаю I особенною любовью его пользовался графъ Клейнмихель, занимавшій долгое время высокій постъ управляющаго путями сообщенія и публичныхъ зданій (нынѣ министерство путей сообщенія).

Въ тѣ времена никто изъ начальствующихъ лицъ не отличался особенной мягкостью въ обращеніи съ подчиненными. Крѣпостное право клало свою тяжелую печать повсюду и на всѣхъ. Человѣческая личность не имѣла почти никакого значенія: уважались только сила и власть, да до нѣкоторой степени — деньги. Представителями же денежнаго міра въ тѣ времена были преимущественно откупщики, спаивавшіе сивухой всю Россію.

Поэтому немудрено, что и графъ Клейнмихель, въ своемъ рвеніи всегда быть угоднымъ государю, не щадилъ никого и ничего, лишь бы отличиться и заслужить царскую милость. О его жестокости и бездушіи въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ передавались изъ устъ въ уста, но, конечно, шепоткомъ, тысячи разсказовъ, и его единогласно называли вторымъ Аракчеевымъ, который, кстати сказать, и выдвинулъ Клейнмихеля, какъ говорили, изъ простыхъ писарей.

Однажды, при проѣздѣ Клейнмихеля по варшавскому шоссе, на одной изъ станцій, недалеко за Гатчиной, не оказалось свободныхъ лошадей. Несчастный смотритель послалъ за обывательскими, но и тѣхъ не могъ достать. Поневолѣ пришлось Клейнмихелю прождать на станціи два-три часа, пока вернулись бывшія въ разгонѣ лошади. Крайне взбѣшенный этой задержкой, Клейнмихель сорвалъ со стѣны какую-то карту, съ двумя вальками по верхнему и нижнему краю, и, свернувъ ее, началъ этими вальками бить смотрителя по чемъ попало, пока несчастный не свалился съ ногъ.

Утоливъ свою злобу и дождавшись лошадей, Клейнмихель уѣхалъ, а избитый смотритель дня черезъ два отдалъ Богу свою грѣшную душу.

Понятно, что мѣстное начальство не осмѣлилось возбудить дѣла противъ всевластнаго любимца государя, и убитаго смотрителя похоронили, якобы умершаго отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ... Но, не смотря на то, кто-то ухитрился довести этотъ случай до свѣдѣнія государя.

Императоръ призвалъ Клейнмихеля къ себѣ. Что они говорили глазъ на глазъ въ кабинетѣ, разумѣется, осталось никому неизвѣстнымъ, но извѣстнымъ сдѣлалось то, что Клейнмихель долженъ былъ обезпечить семью убитаго имъ смотрителя, конечно, по требованію государя.

Въ другой разъ былъ такой случай. Везъ курьеръ казенныя деньги, принадлежавшія вѣдомству путей сообщенія, и какимъ-то образомъ ухитрился выронить чемоданъ съ этими деньгами, въ суммѣ около трехъ-сотъ тысячъ, изъ саней, на участкѣ между Гатчиной и Лугой. Не смотря на розыски, деньги не находились, и Клейнмихель долженъ былъ доложить о такой потерѣ государю. Чрезъ нѣсколько времени явился въ Петербургъ какой-то крестьянинъ и доставилъ чемоданъ съ деньгами Клейнмихелю, объяснивъ, что онъ нашелъ его уже давно, но долго розыскивалъ хозяина этихъ денегъ, такъ какъ предъявить просто въ полицію не хотѣлъ, чтобы не лишиться вознагражденія.

Клейнмихель выдалъ ему десять рублей, а на просьбы мужика прибавить что нибудь, пригрозилъ розгами за то, что онъ не сразу заявилъ о своей находкѣ. Почесалъ мужикъ затылокъ, да такъ и ушелъ.

Клейнмихель же, такъ какъ доложилъ государю о потерѣ, долженъ былъ, конечно, доложить теперь и о возвращеніи денегъ.

— Что же ты заплатилъ мужику?—спросилъ государь.

— Десять рублей, ваше величество.

Государь разсердился за такое скряжничество и, чтобъ наказать Клейнмихеля, велѣлъ ему выдать мужику вознагражденіе, но не изъ казенныхъ денегъ, а изъ собственныхъ. Какъ велика была назначенная государемъ сумма вознагражденія, я не могу сказать въ точности, кто говорилъ, что—три тысячи, кто говорилъ, что—тридцать тысячъ. Знаю только навѣрное то, что, къ сожалѣнію, деньги эти не попли мужику въ прокъ: ошеломленный неожиданнымъ богатствомъ, онъ спился.

Не смотря на такіе случаи, бывавшіе съ Клейнмихелемъ нерѣдко, государь его любилъ и жаловалъ, вѣроятно, считая его полезнымъ и необходимымъ своимъ сотрудникомъ.

Извѣстенъ отвѣтъ государя какому-то иностранному послу на вопросъ о стоимости Николаевской желѣзной дороги.

— Объ этомъ знаютъ только двое: Богъ да Клейнмихель,—сказалъ государь.

VIII.

Царскіе поклоны.

Не слѣдуетъ думать, что императоръ Николай Павловичъ относился внимательно къ лицамъ только близкимъ къ себѣ, или, какъ принято ихъ называть, высокопоставленнымъ. Нѣтъ, онъ не пре-

небрегалъ и самыми ничтожными людьми, не только заботясь о нихъ, но и стараясь сдѣлать имъ что нибудь пріятное.

Мой отецъ былъ неважная птица въ администраціи: сначала онъ былъ преподавателемъ географіи, а потомъ старшимъ надзирателемъ въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, то-есть завѣдывалъ воспиніемъ отдѣленія изъ трехъ высшихъ классовъ. Отъ прежнихъ занятій географіею у отца остались рельефные глобусъ и карта Швейцаріи, великолѣпно исполненные имъ собственноручно. Въ особенности хороша была Швейцарія, въ которой всѣ горы изображены были по масштабу, съ точнымъ обозначеніемъ снѣговыхъ вершинъ, ледниковъ и озеръ. Города, для большей наглядности, изображались головками мелкихъ золоченыхъ гвоздиковъ.

Когда великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи начали учиться географіи, отецъ мой просилъ позволенія поднести имъ эти глобусъ и рельефъ Швейцаріи. Государь принялъ поднесеніе и приказалъ выдать отцу изъ кабинета перстень или триста рублей деньгами, по желанію. Но дѣло было не въ перстнѣ, а въ томъ, что съ тѣхъ поръ государь не забывалъ отца и всегда относился къ нему доброжелательно.

Однажды, заѣхавъ въ институтъ, государь спросилъ моего отца, есть ли у него дѣти и гдѣ они. Отецъ разсказалъ ему о своемъ семейномъ положеніи, причемъ упомянулъ ему, что я въ это время воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ, а вторая моя сестра, Клеопатра, въ Смольномъ монастырѣ.

Въ инженерномъ училищѣ существовалъ обычай—не давать вновь поступившимъ погоны до тѣхъ поръ, пока они не выучатся немного фронтовой службѣ, то-есть на столько, чтобы умѣть правильно (по-военному) стоять, ходить, поворачиваться и проч. На эту выучку уходило около мѣсяца или двухъ времени. Желаніе скорѣе получить погоны, разумѣется, заставляло насъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзть, чтобы скорѣе сдѣлаться хорошимъ фронтовикомъ.

Когда я поступилъ въ училище, то императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ его ранѣе, чѣмъ дѣлалъ это обыкновенно и засталъ всѣхъ насъ, новичковъ, еще безъ погонъ. Мы были тогда въ столовой.

Поздоровавшись съ дѣтьми, государь началъ обходить столы и у каждаго новичка спрашивалъ фамилію и откуда онъ родомъ. Дошла очередь и до меня.

— Фамилія твоя?—спросилъ государь.

— Эвальдъ, ваше величество.

— Изъ Гатчины?

— Точно такъ, ваше величество.

— Это твой отецъ тамъ служитъ?

— Точно такъ, ваше величество.

Государь кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Въ случаѣ этомъ не было ничего особенно замѣчательнаго: императоръ Николай Пав-

ловичъ славился своею памятью на лица и имена, и потому неудивительно, что онъ вспомнилъ моего отца и дѣлалъ мнѣ эти вопросы. Но директоромъ училища былъ генералъ Ломновскій, человѣкъ чрезвычайно мелочной, во всякомъ простомъ дѣйствіи всегда искавшій что нибудь особенное. Тотчасъ послѣ отъѣзда государя онъ прислалъ за мною и, заперевъ дверь своего кабинета, началъ дѣлать мнѣ настоящій инквизиторскій допросъ о нашей семьѣ вообще и о моемъ отцѣ въ особенности. Какія такія тайны онъ хотѣлъ вывѣдать отъ меня, я до сего времени понять не могу.

На слѣдующій годъ случился эпизодъ, еще болѣе поразительный для Ломновскаго. Когда государь, по обычаю, осенью заѣхалъ къ намъ и, осмотрѣвъ училище, проходилъ къ выходу, а мы провожали его толпой, онъ вдругъ остановился и спросилъ:

— А гдѣ Эвальдъ?

Я выступилъ впередъ и назвался.

— Я видѣлъ надняхъ твоего отца,—сказалъ государь:—онъ велѣлъ тебѣ кланяться. У тебя есть сестра въ Смольномъ?

— Есть, ваше величество.

— Какъ ее зовутъ?

— Клеопатрой, ваше величество.

Государь кивнулъ головой и пошелъ далѣе. Въ воскресенье я поѣхалъ въ Смольный навѣстить сестру, и та мнѣ съ удивленіемъ разсказывала, что государь былъ у нихъ и передалъ ей поклоны, какъ отъ отца, такъ и отъ меня...

— Развѣ ты просилъ государя кланяться мнѣ?—спросила она наивно.

— Нѣтъ.

Я разсказалъ ей, какъ было дѣло.

— А онъ,—сообщала мнѣ сестра,—ходилъ по институту, и мы, конечно, бѣжали за нимъ, какъ вдругъ онъ спросилъ: «а которая изъ васъ Клеопатра Эвальдъ?» Меня пропустили впередъ. Государь взялъ меня за подбородокъ и говоритъ: «Вчера я былъ въ инженерномъ училищѣ и видѣлъ твоего брата. Онъ посылаетъ тебѣ поклонъ».

Черезъ нѣсколько дней и я, и сестра получили изъ дома письма, въ которыхъ отецъ сообщалъ намъ, что государь посѣтилъ гатчинскій институтъ и сказалъ ему, что видѣлъ обоихъ дѣтей, и передалъ ему отъ насъ поклоны.

Такая внимательность государя не была обусловлена рѣшительно ничѣмъ, кромѣ его замѣчательной памяти, которую онъ любилъ выказывать, а также его чисто отеческимъ отношеніемъ ко всѣмъ вообще дѣтямъ. Никто изъ насъ въ семействѣ, а также мои училищные товарищи и ближайшіе начальники и не смотрѣли на это иначе.

Но директоръ училища, генералъ Ломновскій, никогда не могъ мнѣ простить такого вниманія государя и преслѣдовалъ меня на каждомъ шагу, что ему особенно легко было дѣлать, такъ какъ

я безпрестанно давалъ ему для того поводы. Я этого не могу объяснить иначе, какъ родительскою завистью, такъ какъ одновременно со мною въ училищѣ воспитывался сынъ Ломновскаго, о которомъ государь не имѣлъ никакого понятія.

IV.

Двѣ буквы.

Однажды, императоръ Николай Павловичъ, не знаю по какому случаю, разослалъ по кадетскимъ корпусамъ нѣсколько картинъ изъ Зимняго дворца. Двѣ изъ этихъ картинъ, изображавшія какіе-то виды, назначены были въ наше инженерное училище. Сортируя картины по заведеніямъ, государь собственноручно сдѣлалъ мѣломъ на каждой надпись, куда ее отправить. Такъ, на картинахъ, присланныхъ къ намъ, на самыхъ облакахъ были начертаны мѣломъ двѣ буквы: И. З., то-есть «Инженерный замокъ».

Когда эти двѣ картины были доставлены въ училище, то въ средѣ начальства возникъ вопросъ: куда ихъ повѣсить? Послѣ долгаго совѣщанія рѣшено было помѣстить ихъ въ залѣ крѣпостныхъ моделей, какъ наиболѣе проходномъ, и гдѣ онѣ, слѣдовательно, скорѣе могутъ быть замѣчены. Но по рѣшеніи этого вопроса возникъ другой: что дѣлать съ буквами, начертанными собственноручно императоромъ? Чтобы понять важность этого вопроса, надо знать, что всякая рукопись императора тщательно сохраняется, и если сдѣлана карандашемъ, то покрывается лакомъ, чтобы не стерлась. Хотя большинство доказывало, что такое правило относительно императорской рукописи не можетъ имѣть приложенія въ настоящемъ случаѣ, и что эти буквы надо стереть, но директоръ Ломновскій, какъ всегда двуличный, велѣлъ ихъ только слегка смахнуть, но такъ, чтобы онѣ все-таки были видны, надѣясь угодить этимъ, какъ говорится, и нашимъ, и вашимъ. Если государь спроситъ: зачѣмъ не стерли?—можно будетъ сказать, что ихъ стирали; если же спроситъ, зачѣмъ стерли?—можно будетъ сказать, что онѣ видны...

Пріѣхавъ въ училище черезъ нѣсколько времени послѣ того, государь вспомнилъ о присланныхъ картинахъ и спросилъ: гдѣ онѣ повѣшены? Его проводили въ модельный залъ. Осмотрѣвъ картины и найдя, что онѣ повѣшены удачно, государь обратился вдругъ къ Ломновскому и недовольнымъ тономъ спросилъ:

— Что же надписи не стерты? Тряпки что ли не нашлось?

Не слышалъ я, что пробормоталъ Ломновскій въ свое оправданіе, но только очевидно было, что его хитрость не удалась, такъ какъ государь довольно сердито прибавилъ:

— Сейчасъ же стереть!

Такимъ образомъ двуличность Ломновскаго не вывезла, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ. Ломновскій не пользовался любовью нашей, такъ какъ поступалъ съ нами, не какъ педагогъ, обязанный развивать хорошія нравственныя качества воспитанниковъ, а напротивъ употреблялъ насъ только, какъ орудіе для достиженія цѣлей своего благосостоянія и милости начальства. Онъ имѣлъ въ училищѣ своихъ шпіоновъ, къ сожалѣнію, и между воспитанниками, но главнымъ его шпіономъ былъ вахтеръ, завѣдывавшій нашею прислугою, бѣльемъ, платьемъ и аммуниціей. Трудно было укрыться отъ глазъ этого ока Ломновскаго, имѣвшаго возможность, подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей, цѣлый день шнырять между нами. При такихъ отношеніяхъ мы, понятно, всегда бывали очень довольны, когда Ломновскій или вахтеръ попадались на замѣчаніе кого нибудь изъ высшихъ, а тѣмъ болѣе самого государя.

X.

Щипокъ.

Когда императоръ пріѣзжалъ въ училище, то позволялъ намъ, при уходѣ, подать себѣ шинель, а, главное, вынести себя съ подъѣзда въ сани на рукахъ. Шинель онъ носилъ всегда довольно старенькую, со многими заплатами на подкладкѣ и полинявшую сверху.

На площадкѣ наружнаго подъѣзда, ступеней съ десяти, мы подхватывали его и, поднявъ высоко надъ головами, такъ что онъ лежалъ совершенно горизонтально, такимъ образомъ сносили съ лѣстницы въ сани. Однажды, одинъ изъ насъ Б., школьникъ большой руки, похвастался, что когда мы понесемъ государя на рукахъ, то онъ щипнетъ его.

Зная грозный характеръ государя, не щадившаго никого, когда разсердится, многіе совѣтовали Б. не пускаться въ такое слишкомъ опасное предпріятіе. Но добрые совѣты товарищей не подѣйствовали, а перспектива опасности, можетъ быть, еще болѣе подтолкнула его. Дѣло только въ томъ, что когда мы въ этотъ разъ несли государя, онъ громко сказалъ:

— Кто тамъ шалитъ, дѣти?

И потомъ, когда уже сѣлъ въ сани, и мы застегивали полость, онъ погрозилъ пальцемъ и прибавилъ:

— Впередъ будьте осторожнѣе.

Значитъ Б. исполнилъ свое намѣреніе. На его счастье, государь въ этотъ разъ былъ въ добромъ расположеніи духа, а не то Б. рисковалъ бы попасть въ солдаты или поплатиться какъ нибудь еще хуже.

XI.

Въ мастерской Ладюрнера.

Въ Гатчинскомъ институтѣ одно время, въ числѣ другихъ преподавателей французскаго языка, былъ нѣкто Ферри де Пиньи, очень умный и остроумный французъ, бывшій большимъ пріятелемъ моего отца. Этотъ Ферри былъ приглашенъ по контракту, на какихъ-то особыхъ, очень выгодныхъ условіяхъ, которыя дали ему возможность купить очень хорошій деревянный домъ и выстроить другой, каменный. Когда срокъ его контракта окончился, Ферри переѣхалъ въ Петербургъ, такъ какъ изъ двухъ его сыновей старшій, Эрнестъ, былъ въ университетѣ, а младшій, Евгеній, въ академіи художествъ. Я въ это время былъ уже въ инженерномъ училищѣ.

Уѣзжая изъ Гатчины, Ферри предложилъ моему отцу завѣдывать его домами, съ тѣмъ, что въ вознагражденіе за этотъ трудъ я буду ходить по субботамъ на воскресенье въ отпускъ къ Ферри, съ сыновьями котораго, въ особенности младшимъ, я былъ друженъ. Эта сдѣлка всѣхъ устраивала какъ нельзя лучше, и я, во все время моего пребыванія въ училищѣ, постоянно проводилъ воскресные дни въ семьѣ Ферри, уѣзжая домой въ Гатчину только на праздники Рождества и Пасхи, да послѣ лагеря, въ августѣ.

У Ферри въ Петербургѣ былъ большой пріятель, старикъ Ладюрнеръ, придворный живописецъ Николая Павловича, жившій въ самомъ зданіи академіи художествъ.

Этотъ Ладюрнеръ былъ уже старикъ, довольно высокаго роста, очень тучный, веселаго характера, большой шутникъ и человѣкъ совершенно своеобразный въ своихъ привычкахъ. Онъ былъ холостъ и держалъ кухаркой и домоводкой чухонку Христину, такую же толстую, какъ самъ, и которая обращалась съ бариномъ своимъ совсѣмъ подомашнему, то-есть не признавая никакой дисциплины и никакой власти надъ собой. Но она въ то же время не употребляла во зло добродушія Ладюрнера и заботилась о немъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

Нужно замѣтить, что чухонка Христина имѣла нѣкоторое право держать себя не такъ, какъ держатъ себя обыкновенно кухарки. Дѣло въ томъ, что она была большой мастерицей въ кулинарномъ дѣлѣ и приготовляла Ладюрнеру такіе завтраки и обѣды, какихъ не смастерятъ и лучшіе повара. Мнѣ случилось раза два или три ѣсть у Ладюрнера, и дѣйствительно я не припомню, чтобы ѣлъ гдѣ нибудь вкуснѣе, чѣмъ у него. Но еще и не въ этомъ была сила Христины, а въ томъ, что ея произведенія удостоилъ пробовать самъ государь, чѣмъ она всегда очень гордилась.

Дѣйствительно, государь, совершая свои прогулки, заѣзжалъ или заходилъ иногда въ мастерскую Ладюрнера посмотрѣть его новыя

работы. Случалось ему заставать Ландюрнера за завтракомъ и за обѣдомъ, и въ такомъ случаѣ государь не только пробовалъ подаваемыя блюда, но вплотную завтракалъ, сидя за столомъ стараго художника, котораго очень любилъ. Я объ этомъ слышалъ не разъ отъ Ферри, а потомъ мнѣ привелось и самому быть свидѣтелемъ подобнаго случая.

Произошло это вотъ по какому обстоятельству.

Государь заказалъ Ладюрнеру написать церемонію присяги великаго князя Константина Николаевича. Случилось, что въ это время Ферри пригласилъ какъ-то Ладюрнера къ себѣ обѣдать въ воскресенье, когда и я тамъ былъ. За обѣдомъ, въ разговорахъ, коснулись вопроса о новой картинѣ. Говоря о ней, Ладюрнеръ обратился между прочимъ ко мнѣ съ просьбою въ слѣдующее воскресенье зайти къ нему въ мастерскую, чтобы списать съ меня обмундировку инженернаго училища, такъ какъ воспитанники военно-учебныхъ заведеній принимали участіе въ церемоніи присяги. Я охотно согласился и въ слѣдующее воскресенье отправился къ нему утромъ, тотчасъ послѣ кофе. Ладюрнеръ написалъ меня на картинѣ, въ строю инженернаго училища и за этою работою провелъ время до своего завтрака.

Только что толстая Христина постлала скатерть на столъ, какъ вдругъ дверь мастерской отворилась, и въ ней показалась величественная фигура императора. Неожиданность его появленія такъ подѣйствовала на меня, что я не нашелся ничего лучшаго сдѣлать, какъ встать за полотно одной картины, стоявшей на полу. Государь не успѣлъ меня замѣтить и прямо подошелъ къ Ладюрнеру.

— Bonjour, mon vieux! — сказалъ онъ. — Comment sa va-t-il?

— Très bien, sir, — отвѣтилъ Ладюрнеръ, поднявшись съ табурета и кланяясь.

— Картина, какъ вижу, подвигается, — продолжалъ государь по-французски же. — Очень хорошо. Теперь ты инженерное училище пишешь?

— Точно такъ, государь.

У меня въ эту минуту захватило духъ: я боялся, что Ладюрнеръ, замѣтивъ мое исчезновеніе, начнетъ искать меня. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно глазами искалъ меня, но, не увидя, догадался, что я спрятался, и не хотѣлъ меня конфузить передъ государемъ, понимая тотъ страхъ, который Николай Павловичъ всѣмъ внушалъ.

Государь сѣлъ на стулъ и, къ моему ужасу, видимо не торопился уходить. Я боялся, чтобы не чихнуть и не кашлянуть, и стоялъ за картиною такъ неподвижно, какъ, вѣроятно, никогда не стоялъ ни одинъ часовой. Толстая Христина, не стѣсняясь государя, явилась съ посудою въ рукахъ, чтобы продолжать сервировку стола. Ладюрнеръ сказалъ ей, чтобъ она обождала, но госу-

дарь велѣлъ не стѣсняться и продолжать. Думая, я что останусь завтракать, Христина принесла два прибора, а государь, не видя никого другого, принялъ второй приборъ на свой счетъ

— Вотъ кстати,—сказалъ онъ Ладюрнеру:—я позавтракаю съ тобою.

— Кушайте, батюшка,—сказала ему Христина своимъ ломаннымъ языкомъ, или, вѣрнѣе, тремя языками: русскимъ, французскимъ и чухонскимъ.—Ошуртюи (aujcurd'hui) де котлетъ, какой ви пришпошитайтъ.

— Очень радъ,—сказалъ государь, засмѣявшись.—Правду сказать,—обратился онъ къ Ладюрнеру:—ни одинъ поваръ не сдѣлаетъ такихъ котлетъ, какъ Христина.

Христина подала котлеты, и государь позавтракалъ съ аппетитомъ, слушая анекдоты Ладюрнера, которые онъ умѣлъ мастерски разсказывать. Между прочимъ въ моей памяти остался слѣдующій его разсказъ.

— Иду я надняхъ по Невскому проспекту, день былъ очень жаркій. Дойдя до Аничкова дворца, я совсѣмъ обезсилѣлъ отъ жары и присѣлъ въ тѣнь, на тумбѣ, немного передохнуть, а шляпу снялъ и держу ее въ рукахъ. Костюмъ на мнѣ былъ коломянковый, немного помятый, и шляпа соломенная, не изъ новыхъ. Только проходитъ какая-то сердобольная барыня и, принявши меня за нищаго, бросила мнѣ въ шляпу копейку. Ея примѣръ соблазнилъ другихъ прохожихъ, которые тоже начали мнѣ кидать, кто двѣ, кто три копейки. Чѣмъ больше набиралось у меня въ шляпѣ денегъ, тѣмъ чаще стали мнѣ кидать. А я сидѣлъ себѣ спокойно и только потряхивалъ шляпой, чтобы деньги гремѣли. Посидѣвъ такимъ образомъ съ полчаса и отдохнувъ, я высыпалъ собранныя деньги въ карманъ и, надѣвъ шляпу, вернулся домой. Какъ вы думаете, государь, сколько я собралъ?

— Копеекъ двадцать—тридцать?

— О! гораздо болѣе! Шестьдесятъ семь копеекъ.

— Куда же ты ихъ употребилъ?— спросилъ государь.

— Очень просто куда: такъ какъ деньги эти предназначались жертвователями для бѣднаго человѣка, то я и отдалъ ихъ бѣдняку. Тутъ, недалеко отъ академіи, живетъ одинъ шарманщикъ, имѣющій большое семейство и который, захворавъ, не можетъ ходить теперь. Я и снесъ ему сдѣланный сборъ, добавивъ отъ себя немного, чтобы вышелъ уже цѣлый рубль.

Государь отъ души смѣялся этому разсказу и потомъ въ тотъ же день прислалъ Ладюрнеру двадцать пять рублей для передачи шарманщику.

Пробывъ у Ладюрнера съ полчаса, государь всталъ, еще разъ осмотрѣлъ картину и сдѣлалъ кое-какія замѣчанія.

— Прощай, Христина,—сказалъ онъ чухонкѣ, подавшей ему шинель.—Спасибо за котлеты; очень вкусныя.

— Ошинь рата, каспадинъ сиръ,—отвѣтила Христина, претендовавшая на знаніе французскаго языка.

Государь разсмѣялся на ея смѣшное привѣтствіе и вышелъ. Тогда и я вылѣзъ изъ своей засады.

— Ну, мой бѣдный мальчикъ,—сказалъ Ладюрнеръ,—я думаю, вы провели очень скверные полчаса, ха-ха-ха? А я было не зналъ, что дѣлать съ вами: и оставить васъ тамъ было жалко, да и страшно, чтобы государь не замѣтилъ, да и вызвать-то васъ не рѣшался. Слава Богу, что все обошлось благополучно. А ты, глупая Христина,—обратился онъ къ чухонкѣ: — развѣ можно государю говорить: господинъ сиръ?

— Ви же постоянно гофорите ему—сиръ! —заступилась за себя Христина, убирая тарелки.

— Да вѣдь я говорю пофранцузски, а порусски этого нельзя. Ты должна говорить—ваше величество или государь.

— А я разѣ порусски гофориль? Я пофранцузски гофориль, и ишше лютше, чѣмъ ви: я гофориль—каспадинъ сиръ, а ви просто гофорите—сиръ. Ню, што ви хотете ишше?

И никакими доводами нельзя было убѣдить Христину; она твердо стояла за свое знаніе этикета и французскаго языка. Окончательно она побѣдила Ладюрнера, когда уже изъ дверей кинула ему:

— Самъ государь нишево мнѣ не гофориль, а ишшо смѣялся и благодарилъ за котлеты. Ню, што ви?

Ладюрнеръ только замахалъ руками и велѣлъ подать позавтракать мнѣ.

Я еще нѣсколько разъ заходилъ къ Ладюрнеру, даже когда картина, для которой я служилъ моделью, была окончена. Мнѣ нравилось въ немъ умѣніе разсказывать анекдоты. Самый простой случай, самъ по себѣ не представляющій ничего смѣшного или остроумнаго, онъ умѣлъ передать какъ-то особенно кругло, выпукло, сочно, такъ что невольно разсмѣешься. Эту способность я впослѣдствіи встрѣтилъ только у одного еще человѣка, именно у Николая Алексѣевича Вышнеградскаго, основателя и директора первыхъ женскихъ гимназій въ Петербургѣ.

А. В. Эвальдъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I[1].

XII.

Царскіе смотры.

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ Николая I всѣ военноучебныя заведенія Петербурга стояли каждое лѣто лагеремъ въ Петергофѣ, образуя самостоятельный отрядъ, подъ общимъ начальствомъ (въ мое время) директора школы подпрапорщиковъ и юнкеровъ, генерала Сутгофа.

Это былъ человѣкъ небольшаго роста, съ рыжими волосами, выстриженными подъ гребенку, не носившій ни усовъ, ни бакенбардъ. Голосъ онъ имѣлъ непріятный, какой-то особенно рѣзкій, скрипучій, а манерами напоминалъ скорѣе свѣтскаго фата, чѣмъ генерала-воспитателя. Мы, инженеры, терпѣть его не могли и не упускали ни одного случая сдѣлать ему какую нибудь непріятность. Этого Сутгофа кадеты прозвали — Капфикъ. Что это было за слово — я не знаю, но оно привилось, и въ разговорахъ никто изъ насъ иначе не называлъ его. Помню по этому поводу слѣдующій случай: въ одной изъ газетъ было напечатано объявленіе такого содержанія: «пропалъ рыжій кобель, кличка Капфикъ, съ краснымъ ошейникомъ. Доставившему его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ квартиру директора, дано будетъ щедрое вознагражденіе».

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXV, стр. 51.

Основываясь на этомъ объявленіи, собачники начали приводить Сутгофу разныхъ собакъ, называя ихъ Капфиками. Сутгофъ, конечно, зналъ о прозвищѣ, данномъ ему кадетами, и понялъ, что это продѣлка съ объявленіемъ — дѣло ихъ рукъ. А такъ какъ болѣе всего ему досаждали инженеры, то онъ и сообщилъ свое подозрѣніе на насъ директору нашему генералу Ломновскому. Начались у насъ допросы, сначала секретные, потомъ уже и явные. Самъ Ломновскій призывалъ многихъ изъ насъ къ себѣ въ кабинетъ, то ласкою, то обѣщаніями, то угрозами выпытывая признаніе. Почему-то и я попалъ въ число тѣхъ, кого онъ считалъ необходимымъ допросить лично. Помню, что онъ пыталъ меня добрыхъ полчаса, но, конечно, ничего не выпыталъ, такъ какъ я дѣйствительно не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, кто могъ быть авторомъ этого объявленія, и даже сомнѣваюсь, чтобы оно вышло изъ нашего училища. Вѣрнѣе предположить, что это объявленіе было дѣломъ мести кого нибудь изъ школы подпрапорщиковъ, обиженнаго Сутгофомъ.

Съ нами онъ не имѣлъ прямыхъ отношеній, и если мы не любили его, то болѣе, такъ сказать, теоретически, чѣмъ за что нибудь существенное. Намъ только нравилось дразнить его на ученьяхъ небрежнымъ исполненіемъ фронтовой службы и доставляло большое удовольствіе, когда онъ горячился и выходилъ изъ себя. Въ особенности мы выводили его изъ терпѣнія, когда онъ затѣвалъ дѣлать репетиціи передъ царскими смотрами.

Однажды, наканунѣ царскаго смотра, когда намъ давали обыкновенно отдыхъ и пускали гулять по Петергофу, я зашелъ съ двумятремя товарищами на Ольгинъ островъ, гдѣ на дворцовой башнѣ помѣщалась на подставкѣ большая зрительная труба. Мы начали ее наводить на разные отдаленные предметы, стараясь, между прочимъ, прочитать надписи на судахъ, стоявшихъ въ Кронштадтѣ. Сторожъ башни, отставной старикъ солдатъ, подошелъ къ намъ побесѣдовать.

— Вотъ,—говоритъ онъ,—вы забавляетесь этой трубой, господа, а того и не знаете, что вчера государь въ эту самую трубу на васъ глядѣлъ...

— Правда?

— Я-жъ вамъ говорю! Ученье у васъ было на военномъ полѣ, а государь сидѣлъ тутъ и смотрѣлъ въ трубу. Ужъ и ругалъ же онъ васъ, господа!

— Кого это?

— Да васъ, анжинеровъ. Я вотъ такъ стою недалечко, примѣромъ хоть бы тутъ, на эфтомъ вотъ мѣстѣ, и дыхнуть не смѣю, и смотрю только, какъ бы мнѣ наготовѣ быть, коли что спроситъ; а онъ глядитъ въ трубу, да и ворчитъ про себя: ужъ эти, говоритъ, анжинеры шалуны, фронта не держатъ, равненія то-ись; а ружьята, говоритъ, у нихъ, какъ частоколъ какой. Ужотко, говоритъ, я

имъ задамъ на смотру! А когда у васъ, господа, царскій-то смотръ будетъ?

— Завтра; оттого насъ сегодня и распустили.

— А! Вотъ оттого-то государь и зашелъ вчерась сюда посмотрѣть, какъ вы готовитесь къ смотру... Ну, смотрите, будетъ вамъ завтра на орѣхи!

— Развѣ государь очень сердился?—спросили мы.

— Да ужъ такъ-то ворчалъ, такъ ворчалъ, и все на анжинеровъ... Плохо у васъ дѣло...

Мы не разувѣряли старика и оставили его въ страхѣ за нашъ завтрашній смотръ. Дѣйствительно, на послѣдней генеральной репетиціи, мы особенно зло дурачились надъ Сутгофомъ, дѣлая рѣшительно все наперекоръ ему. Если онъ замѣтитъ, что средина фронта слишкомъ выдалась впередъ, то она осадитъ назадъ, но такъ, что выйдетъ еще хуже. Если онъ крикнетъ, что лѣвый флангъ отстаетъ, то онъ выдвинется впередъ, а правый отстанетъ и такъ далѣе. Подъ конецъ ученья Сутгофъ подскакалъ курцъ-галопомъ къ нашему ротному командиру, полковнику Скалону, и, отчаянно махнувъ рукою, сказалъ ему:

— Полковникъ Скалонъ! Пропадете вы завтра съ вашими инженерами!

Полковникъ Скалонъ только молча приложился къ козырьку и, подъѣхавъ къ намъ, сказалъ своимъ добрымъ, отеческимъ голосомъ:

— Господа! Ну, зачѣмъ вы такъ шалите?

Онъ зналъ очень хорошо подкладку дѣла, такъ какъ на его домашнихъ ученьяхъ мы вели себя образцово, и потому былъ совершенно спокоенъ за царскій смотръ.

На этомъ смотру продолжалась та же исторія. Сутгофъ, до пріѣзда государя, старался насъ выровнять, но это никакъ ему не удавалось. Разъ десять онъ подъѣзжалъ насъ ровнять и всякій разъ уѣзжалъ, съ отчаяніемъ говоря Скалону, что онъ съ нами пропадетъ. И удивительный, право, былъ этотъ человѣкъ, Сутгофъ! Каждый годъ повторялось одно и то же, а онъ все-таки не могъ понять, что ему не слѣдовало насъ трогать! Если бы онъ меньше оказывалъ рвенія, мы давно перестали бы дѣлать ему на зло.

По правдѣ сказать, я ожидалъ, что государь сдѣлаетъ намъ какое нибудь замѣчаніе за то, что на ученьи Сутгофа мы дурачились. Но, повидимому, государь зналъ, или, по крайней мѣрѣ, догадывался, о нашихъ отношеніяхъ къ Сутгофу, и, вѣроятно, его сочувствіе лежало на нашей сторонѣ, такъ какъ, проѣзжая по фронту и здороваясь со всѣми корпусами, подъѣхавъ къ намъ, онъ не поздоровался, а сказалъ: «хорошо, инженеры!». Можно вообразить себѣ удивленіе и досаду Сутгофа.

Затѣмъ, во все продолженіе смотра, мы не только не получали никакого замѣчанія, но, наоборотъ, за каждый ружейный пріемъ,

за каждое движеніе, только и слышали то «хорошо, инженеры», то «спасибо, инженеры». Государь хвалилъ и благодарилъ насъ не въ счетъ гораздо больше и чаще, чѣмъ всѣ другіе корпуса, тогда какъ, говоря по справедливости, мы далеко не были лучшими фронтовиками и, конечно, въ этомъ отношеніи уступали всѣмъ кадетскимъ корпусамъ уже по тому только, что на обученіе фронту имѣли гораздо менѣе времени, чѣмъ они. Это обстоятельство и заставляетъ меня думать, что, расхваливая насъ, государь хотѣлъ дать Сутгофу урокъ, какъ надо съ нами обращаться.

Но Сутгофъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые понимаютъ подобные намеки.

Въ число нашихъ лагерныхъ упражненій входила, между прочимъ, наводка понтоннаго моста. Въ тѣ времена въ нашихъ войскахъ употреблялись понтоны двухъ родовъ: въ конно-піонерныхъ дивизіонахъ понтоны, или лодки, были готовые, возившіеся на длинныхъ роспускахъ; въ саперныхъ же батальонахъ понтоны были складные, то-есть состояли изъ рамъ, которыя извѣстнымъ образомъ складывались и обтягивались непромокаемой парусиной во время самой наводки моста. Въ нашемъ училищѣ были складные понтоны. Это маленькое объясненіе я считаю нужнымъ сдѣлать, чтобы понятнѣе былъ слѣдующій разсказъ.

Государь, помимо общихъ фронтовыхъ смотровъ всѣмъ кадетскимъ корпусамъ, производилъ каждое лѣто особый смотръ нашему училищу, въ искусствѣ наводить понтонный мостъ. Одно лѣто въ Петергофѣ гостилъ нѣсколько дней не помню какой-то прусскій принцъ. Какъ разъ во время его присутствія государь и назначилъ сдѣлать намъ смотръ наводки моста. Когда мы явились къ тому мѣсту рѣчки (протекавшей недалеко отъ лагеря), гдѣ назначено было перекинуть мостъ, наши фуры съ понтонами были уже тамъ, и мы, въ полной парадной формѣ, съ ружьями, выстроились фронтомъ къ рѣчкѣ. Скоро начали прибывать одинъ за другимъ разные высокопоставленныя особы: свиты государя, прусскаго принца и весь дипломатическій корпусъ. Собраніе было очень многочисленное и блестящее: эполеты, ордена, звѣзды, ленты, шитье на мундирахъ, султаны касокъ, перья на шляпахъ—все это пестрѣло и блестѣло очень живописно на густой зелени парка. Мы съ любопытствомъ разсматривали невиданные мундиры иностранцевъ и перешептывались между собою. Нашъ полковникъ Скалонъ спокойно ходилъ передъ фронтомъ, разговаривалъ съ офицерами или подходилъ къ намъ съ какимъ нибудь замѣчаніемъ. Онъ никогда не волновался передъ пріѣздомъ государя, зная, что мы постараемся и, какъ говорится, не выдадимъ его. Поэтому, выстроивъ насъ, онъ скомандовалъ: вольно! и больше ни о чемъ не заботился.

Но вотъ прибѣжалъ Сутгофъ. Ему, въ сущности, на этомъ чисто инженерномъ смотру, ровно нечего было дѣлать и хотя на этотъ

разъ онъ могъ бы оставить насъ въ покоѣ. Но какъ ему было не порисоваться передъ такимъ блестящимъ собраніемъ иностранцевъ и какъ не показать имъ, что вотъ и онъ, маленькій генералъ Сутгофъ, играетъ тутъ нѣкоторую роль. И вотъ онъ, ни съ того, ни съ сего, началъ насъ дрессировать.

— Смирно! На пле-чо!

Разумѣется, мы вскинули ружья кое-какъ.

— Что это значитъ?—кричалъ онъ.—Полковникъ Скалонъ! Да какъ же вы представите такую роту государю? Что это за пріемы? На краулъ!

Мы отшлепали еще хуже.

— Да это невозможно! — волнуется Сутгофъ. — Помилуйте! Рекруты, только что приведенные изъ деревни, сдѣлаютъ лучше. А какое равненіе?

Онъ подбѣжалъ къ лѣвому флангу и началъ оттуда равнять.

— Третій съ праваго фланга—грудь впередъ. Второй взводъ—подайся назадъ. Равненіе направо. Какъ вы ружья держите, господа? Да это ужасно что такое! Бабы, идя на сѣнокосъ, ровнѣе грабли держатъ, чѣмъ вы ружья.

Но чѣмъ болѣе онъ горячился, тѣмъ мы дѣлали хуже и хуже. Онъ подбѣгалъ то къ намъ, то къ Скалону, то къ зрителямъ изъ свиты, которымъ, видимо, жаловался на насъ; снималъ каску, вытиралъ потъ съ лица, опять подбѣгалъ къ намъ, опять къ свитѣ и хлопоталъ однимъ словомъ такъ, какъ муха въ баснѣ хлопотала съ упавшимъ возомъ.

Но вотъ махальный далъ знакъ, что ѣдетъ государь.

Скалонъ спокойно вышелъ на середину, передъ фронтомъ, и своимъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ скомандовалъ: смирно! Я взглянулъ при этомъ на свиту и замѣтилъ, что всѣ присутствовавшіе улыбнулись и очень оживленно заговорили между собою. О чемъ они могли такъ говорить въ эту минуту? Разумѣется, о томъ, что генералъ Сутгофъ, не смотря на всѣ свои хлопоты и крики, ничего не могъ съ нами подѣлать, а одного слова Скалона достаточно было, чтобы мы замерли и вытянулись въ математическую линію. Я увѣренъ, что даже иностранцамъ въ эту минуту сдѣлались понятными наши отношенія къ Сутгофу, который, между прочимъ, не оставлялъ что-то горячо объяснять, переходя отъ однихъ къ другимъ. Онъ, повидимому, не понималъ комическаго положенія, въ которое мы его ставили своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ.

Государь пріѣхалъ на дрожкахъ, которые остановились не вдалекѣ, со стороны праваго фланга. Еще не выходя изъ экипажа, когда кучеръ только что задержалъ лошадь, государь крикнулъ намъ издали:

— Хорошо, инженеры!

Это онъ, для начала, похвалилъ наше равненіе. Затѣмъ, скинувъ

шинель, онъ подошелъ къ принцу, раскланялся со свитой и обратился къ намъ:

— Здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Государь самъ началъ командовать нѣкоторые ружейные пріемы, и что ни пріемъ, то похвала отъ него: хорошо, дѣти! спасибо, инженеры! Послѣ ружейныхъ пріемовъ онъ скомандовалъ нѣсколько построеній и движеній, и точно также за каждое или хвалилъ, или благодарилъ насъ. Мнѣ, конечно, въ это время было не до Сутгофа, и я не могъ замѣтить, какъ на него дѣйствовали расточаемыя государемъ похвалы намъ, но полагаю, что не всякій въ это время согласился бы быть въ его шкурѣ.

Окончивъ фронтовой смотръ, государь приказалъ намъ составить ружья и приготовиться къ наводкѣ моста. Для этой операціи мы должны были переодѣться: снять каски, портупеи, мундиры и надѣть полотняныя рубахи и фуражки. Все это было исполнено въ одну минуту, и мы уже стояли, каждый номеръ на своемъ мѣстѣ, у понтонныхъ фуръ.

Когда послѣдовала команда наводить мостъ, я замѣтилъ, что многіе въ свитѣ вынули часы, чтобы опредѣлить время, въ какое мы окончимъ работу. Живо мы разобрали содержимое фуръ, составили рамы, связали ихъ, обтянули полотномъ и стащили къ берегу; въ понтоны сѣли гребцы и начали въѣзжать, одинъ за другимъ, въ линію моста. По мѣрѣ того какъ понтоны выстраивались, на нихъ накидывались продольные брусья и застилались сверху, поперегъ, широкими досками. Затѣмъ поставлены были стойки для перилъ, и чрезъ нихъ протянуты веревки. Мостъ былъ готовъ.

— Сколько времени? — спросилъ кого-то государь.

— Семнадцать минутъ, ваше величество,—отвѣтили ему.

Государь обратился тогда одновременно и къ своей свитѣ и къ намъ.

— Вчера, — сказалъ онъ, — я смотрѣлъ наводку моста гвардейскимъ коннопіонернымъ дивизіономъ. Они навели въ двадцать три минуты, а эти дѣти въ семнадцать минутъ. Спасибо, дѣти! Благодарю, полковникъ Скалонъ!

Государь пошелъ по мосту на другой берегъ рѣки и вся свита, человѣкъ по крайней мѣрѣ въ двѣсти, послѣдовала за нимъ. Когда они переправились, государь приказалъ провести по мосту баталіонъ пѣхоты (бывшаго дворянскаго полка) и батарею артиллерійскаго училища, которые собственно для этого были уже приготовлены. Баталіонъ прошелъ повзводно, въ ногу, производя этимъ равномѣрную качку понтоновъ. Но когда поѣхала артиллерія, то у одного изъ ѣздовыхъ лошадь заупрямилась и придвинулась слишкомъ близко къ периламъ. Протянутая веревка, разумѣется, не могла ее удержать. Лошадь наступила на самый край настилки, доска

опрокинулась, и лошадь провалилась въ понтонъ, къ счастью, не задавивъ и даже не задѣвъ сидѣвшаго въ немъ гребца. Понтонъ, прорванный ногами лошади, погрузился на дно. Сидѣвшіе по концамъ его гребцы поплыли къ берегу. Вся часть моста надъ этимъ понтономъ провалилась, и вода, встрѣтивъ препятствіе, клокотала тутъ, какъ въ шлюзѣ. Я, въ числѣ другихъ товарищей, былъ въ это время на берегу. Какъ только катастрофа совершилась, одни изъ насъ побѣжали на мостъ, а другіе, въ томъ числѣ и я, бросились въ воду, отстегнуть отъ постромокъ провалившуюся пару лошадей и вывезти ихъ на берегъ. Лошади путались въ веревкахъ, связывавшихъ понтонъ, пугались отъ этого, брыкались, и большаго труда стоило кое-какъ сладить съ ними. Лошадь, съ которой я возился, лягнула меня въ борьбѣ, но такъ какъ это происходило въ водѣ, то ударъ былъ не силенъ и послѣдствій не оставилъ. Выпутавъ ее, я вплавь притащилъ ее за уздечку на берегъ и передалъ артиллеристамъ.

Государь любилъ подобныя приключенія, испытывая на нихъ находчивость и смѣлость молодежи. Такъ и въ этомъ случаѣ: какъ только провалъ части моста случился, государь пошелъ по мосту обратно. Это значило, что къ тому моменту, когда онъ подойдетъ къ провалу, переходъ черезъ него долженъ быть готовъ. Мы очень хорошо знали всѣ привычки и требованія государя. Сложить запасный понтонъ, ввести его на мѣсто и возстановить разрушенную часть моста—не было никакой возможности въ такое короткое время, пока государь сдѣлаетъ не болѣе сотни шаговъ. Поэтому товарищи мои, которые прибѣжали на мостъ, догадались положить черезъ мѣсто правала рядомъ три или четыре настилки, образовавъ, такимъ образомъ, довольно широкій помостъ. Ничѣмъ нельзя было угодить государю лучше, какъ подобною быстротою и сообразительностью. Его не задержали ни секунды, и, дойдя до провала, онъ не останавливаясь прошелъ по настланнымъ доскамъ.

— Спасибо, инженеры!—крикнулъ онъ, вступивъ на этотъ берегъ.

Но прусскій принцъ, дойдя до провала, не сразу рѣшился вступить на импровизированный помостъ: пробовалъ ногами его прочность, пошелъ очень медленно и балансируя на шатавшихся доскахъ. Его нѣмецкая свита продѣлывала то же самое, сильно замедляя переправу остальныхъ. Тогда государь, не любившій никакой мѣшкотности, крикнулъ нѣмцамъ:

— Plus vite, messieurs, plus vite!

Они поневолѣ поторопились, а за ними переправились дипломатическій корпусъ и вся остальная свита. Но на томъ берегу оставался еще баталіонъ пѣхоты и артиллерія, которую нельзя было переправить по тремъ дощечкамъ. Поэтому, какъ только послѣдній изъ свиты перешелъ, мы вытащили изъ разрушеннаго мѣста погибшій понтонъ, ввели взамѣнъ его запасный и возстановили мостъ

въ прежнемъ видѣ. Баталіонъ и батарея прошли на этотъ разъ обратно безъ приключеній.

Разборка моста и укладка его на фуры произведена была точно такъ же быстро и отчетливо, какъ и наводка. Когда всѣ работы были кончены, мы снова надѣли мундиры, аммуницію, взяли ружья и выстроились во фронтъ.

Государь подошелъ къ намъ и еще нѣсколько разъ хвалилъ и благодарилъ за образцовое исполненіе всѣхъ маневровъ съ мостомъ, причемъ, въ знакъ особаго своего благоволенія, протянулъ Скалону руку, которую тотъ, конечно, поцѣловалъ. Когда государь и его приближенные уѣхали, Сутгофъ почелъ нужнымъ подойти къ намъ и сказалъ:

— Ну, я очень радъ, господа, что смотръ кончился благополучно. Я не ожидалъ этого и очень боялся за васъ (ему-то чего было бояться?). Поздравляю васъ съ успѣхомъ.

Весело вскинувъ ружья на плечи, мы съ торжествомъ вернулись въ лагерь, точно побѣдили, гордые сознаніемъ своей нравственной силы, которую педагоги, въ родѣ Сутгофа, не умѣли внушить своимъ воспитанникамъ. Да, мы были очень счастливы, что нашимъ воспитателемъ былъ такой человѣкъ, какъ Скалонъ.

Говоря о царскихъ смотрахъ, не лишнимъ считаю упомянуть еще объ одномъ случаѣ, который показываетъ, какъ императоръ Николай I старался пріучать насъ къ перенесенію всякихъ военныхъ трудностей и невзгодъ, а также испытывалъ нашу находчивость и дисциплину.

Однажды, наканунѣ назначеннаго имъ смотра, начался проливной дождь, не переставшій всю ночь и прекратившійся только къ утру. Нашъ лагерь былъ буквально залитъ, а военное поле, на которомъ производились смотры, сплошь покрылось лужами, изъ которыхъ иныя доходили глубиною до полуаршина, а шириною до нѣсколькихъ саженъ. Одѣваясь утромъ въ мокрыхъ шатрахъ, мы были увѣрены, что смотръ отложится. Но государь думалъ иначе и въ назначенное время явился на военное поле, со всей своей многочисленной свитой, верхами. Не стану описывать всѣ трудности этого смотра, когда ноги вязли до щиколотки въ размокшей землѣ, или приходилось шлепать по огромнымъ лужамъ. Дѣло въ томъ, что смотръ кончился благополучно, и государь скомандовалъ построеніе для церемоніальнаго марша. Пока насъ перестраивали въ баталіонныя колонны, государь, оставивъ свиту, поѣхалъ шагомъ по военному полю. Мы, конечно, слѣдили за нимъ глазами и замѣтили, что онъ постоянно мѣняетъ направленіе, какъ будто отыскивая что нибудь на полѣ. Это продолжалось довольно долго. Наконецъ, онъ остановился довольно далеко отъ насъ, знакомъ руки пригласилъ свиту подъѣхать къ нему и потомъ скомандовалъ намъ перемѣну фронта, такъ чтобы мы проходили церемоніальнымъ маршемъ тамъ, гдѣ онъ

остановился. Насъ передвинули по его указанію, выстроили, выравняли, и церемоніальный маршъ начался.

Когда, во время марша, мы приближались къ государю, то тутъ только поняли, чего онъ искалъ, именно передъ нимъ намъ приходилось маршировать по самой широкой и глубокой лужѣ. Ничтоже сумняся мы должны были отхватывать по глубокой водѣ, которая отъ шлепанья цѣлой шеренги брызгала сплошнымъ каскадомъ, обливая насъ сверху и снизу. Государь былъ очень доволенъ, благодарилъ каждый проходившій взводъ и отпустилъ насъ со смотра такими мокрыми и грязными чумичками, какими мы никогда еще не возвращались въ лагерь, даже послѣ большихъ маневровъ.

XIII.

Зонтики.

Во время лагерныхъ сборовъ кадетъ въ Петергофѣ, государь разрѣшалъ иногда, послѣ какого нибудь смотра или ради какого нибудь особаго праздника, отпускать насъ въ Александрійскій паркъ. Не знаю, почему на эти прогулки находилось всегда мало охотниковъ, но я любилъ туда ходить и не пропускалъ ни одного случая.

Однажды, во время такой прогулки по Александрійскому парку, я случайно подошелъ ко дворцу, въ то время, когда къ подъѣзду была подана плетеная коляска, запряженная парою вороныхъ лошадей.

Александрійскій дворецъ сравнительно очень не великъ и выстроенъ по подобію богатаго англійскаго коттэджа.

Я подошелъ къ подъѣзду и спросилъ стоявшаго тутъ придворнаго лакея, для кого это поданъ экипажъ.

— Императрица ѣдетъ кататься съ великой княгиней Александрой Іосифовной,—отвѣтилъ онъ.

Разумѣется, я остался тутъ посмотрѣть, какъ онѣ будутъ усаживаться. Черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ другой лакей и далъ знакъ кучеру подавать. Коляска осторожно подвинулась къ самому подъѣзду, и одинъ конюхъ, одѣтый такъ же, какъ кучеръ, въ англійской ливреѣ, сталъ передъ лошадьми, держа ихъ за уздцы, чтобы онѣ не дернули въ то время, когда императрица и великая княгиня будутъ садиться.

Вслѣдъ затѣмъ на крыльцѣ показались дамы. Обѣ онѣ были одѣты почти одинаково, во все бѣлое, начиная съ шляпокъ. Я, конечно, снялъ фуражку и поклонился имъ, на что обѣ онѣ отвѣтили мнѣ также поклонами. Одинъ изъ лакеевъ перебѣжалъ по другую сторону коляски, чтобы оправить съ той стороны платье императрицы, когда она сядетъ, а другой, державшій въ рукѣ нѣсколько

зонтиковъ, разнаго цвѣта и разныхъ фасоновъ, положилъ ихъ на парапетъ подъѣзда и помогалъ сѣсть въ экипажъ, поддерживая подъ руку сначала императрицу, а потомъ великую княгиню. Когда онѣ усѣлись, и платья были оправлены, императрица спросила зонтики.

Зонтики эти лежали рядомъ со мною, а лакей, принесшій ихъ и помогавшій садиться, вѣроятно, забылъ о нихъ и, кончивъ свое дѣло, сталъ по другую сторону крыльца. Заслышавъ требованіе императрицы, я схватилъ весь пукъ зонтиковъ и поднесъ ей. Меня поразило при этомъ то, что она не только не поблагодарила, а еще сурово взглянула на меня и молча, перебравъ нѣсколько рукоятокъ, взяла одинъ изъ зонтиковъ. Тогда я представилъ весь пукъ великой княгинѣ. Она выдернула первый попавшійся зонтикъ и, ласково улыбнувшись, сказала: merçi.

Когда коляска отъѣхала, а я еще стоялъ на мѣстѣ, глядя ей въ слѣдъ, ко мнѣ подошелъ лакей, обязанность котораго я исполнилъ.

— Вы, сударь, это напрасно сдѣлали,—сказалъ онъ, принимая изъ моихъ рукъ оставшіеся зонтики.

— Отчего?—спросилъ я.

— Не полагается это по закону. Государынѣ и великимъ княгинямъ никто не долженъ прислуживать, кромѣ насъ. На то мы и приставлены. Государыня это очень не любитъ.

— А-а! Теперь я понимаю, отчего она на меня взглянула сердито. Но я не зналъ вашихъ порядковъ и просто хотѣлъ услужить.

— Да, сударь, впередъ знайте и на всякій случай передайте товарищамъ вашимъ.

— А вотъ великая княгиня поблагодарила же меня...

— Такъ то великая княгиня, онѣ еще молоденькія, не такъ строги до этикету, а императрица смерть не любитъ, когда если кто сдѣлаетъ не по порядку. У насъ на это очень строго. Былъ такой случай, что одинъ флигель-адъютантъ, недавно назначенный и тогда еще не привыкшій ко двору, вотъ какъ и вы теперь, вздумалъ услужить императрицѣ не по своей части, а по нашей, такъ государь ему очень строго выговаривалъ. При мнѣ это тоже было. Хорошо еще, что государя тутъ не было, а то бы и вамъ досталось...

— Ну, нѣтъ!—перебилъ я его.—Государь добрый и любитъ насъ, а меня даже лично знаетъ.

— Это все равно-съ, а ужъ онъ не пропуститъ даромъ. Если кто ему самому не угодитъ, это еще полъ-бѣды, а что касается до царицы, такъ онъ очень строгъ! Очень ее бережетъ.

— А вотъ скажите, отчего это,—спросилъ я,—императрица долго выбирала зонтики, пока не нашла того, который взяла, а великая княгиня выдернула изъ пучка первый попавшійся. Отчего она тоже не выбирала?

— Очень просто, сударь, такъ тоже слѣдуетъ по этикету. Вѣдь она если бы выбирала, такъ задержала бы отъѣздъ, а этого не полагается. Государя и государыню никто не долженъ задерживать.

— Вотъ что-о!—протянулъ я.—Ну, спасибо, что научили, впередъ буду знать.

XIV.

Инвалиды изъ Нерчинска.

Императоръ Николай Павловичъ, проживая лѣтомъ въ Петергофѣ, а осенью въ Гатчинѣ, часто прогуливался въ садахъ и паркахъ, совершенно одинъ, въ сюртукѣ, иногда даже безъ эполетъ, съ хлыстомъ или тросточкой въ рукѣ. При этихъ прогулкахъ ему случалось иногда встрѣчаться съ лицами, которыя относились къ нему съ какими нибудь вопросами, не подозрѣвая, что говорятъ съ императоромъ. Государь не только не избѣгалъ подобныхъ встрѣчъ, но даже любилъ, повидимому, быть иногда неузнаваемымъ и всегда въ такихъ случаяхъ былъ крайне вѣжливъ и внимателенъ съ обращавшимися къ нему.

Однажды, гуляя въ Петергофскомъ дворцовомъ саду, онъ встрѣтилъ двухъ отставныхъ солдатъ, небритыхъ, оборванныхъ и по всѣмъ признакамъ совершившихъ далекій путь.

— Батюшка! — остановили они государя. — Ты вѣрно здѣшній. Научи насъ, гдѣ бы намъ повидать царя.

— Зачѣмъ вы желаете его видѣть?—спросилъ государь.

— Да какъ же, родимый ты нашъ. Мы вотъ прослужили ему слишкомъ сорокъ лѣтъ, въ нерчинской гарнизонной командѣ, а понятіевъ не имѣемъ, какой такой это бѣлый царь. Теперь, пойди, помирать скоро будемъ, такъ прежде, чѣмъ лечь въ сырую землю, пошли мы это въ Питеръ, поглядѣть на бѣлаго царя. Сотвори божескую милость, покажи намъ его. Въ Питерѣ-то сказывали, что онъ здѣсь теперь.

— Да, онъ здѣсь. Ступайте за мной. Я проведу васъ къ человѣку, который устроитъ вамъ это дѣло.

Государь довелъ стариковъ до дворца и передалъ ихъ дежурному офицеру, приказавъ ему, что надо сдѣлать.

На другой день было первое августа, когда, по издавна заведенному обычаю, на дворцовой площадкѣ производилась церемонія освѣщенія знаменъ. Я въ то время былъ въ ротѣ главнаго инженернаго училища и долженъ былъ находиться въ строю, на парадѣ. Поэтому слѣдующее видѣлъ самъ.

Передъ самымъ выходомъ государя съ семействомъ и свитою изъ дворца, какой-то офицеръ торопливо протолкался чрезъ наши ряды, ведя за собою двухъ стариковъ, оборванныхъ, грязныхъ, небритыхъ, и поставилъ ихъ почти посреди площадки, передъ фрон-

томъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Понятно, что такое странное зрѣлище возбудило общее любопытство, и по рядамъ прошелъ глухой говоръ. Что это за люди? Зачѣмъ привели ихъ? Что съ ними будутъ дѣлать? Откуда ихъ выкопали? Подобные вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, но отвѣта никто не могъ дать.

Но вотъ, раздалась команда: смирно! Значитъ, государь сейчасъ выйдетъ. Другая команда: ровняйсь? Офицеры забѣгали по рядамъ, наблюдая за равненіемъ. Опять: смирно! Потомъ: на плечо! Затѣмъ— на краулъ!

Государь показался изъ подъѣзда; за нимъ императрица, великіе князья и княгини, и большая свита, блестѣвшая на солнцѣ шитыми мундирами и орденами. Чрезвычайно странно было видѣть среди этой блестящей обстановки, двухъ несчастныхъ, грязныхъ и оборванныхъ солдатъ, стоявшихъ неподвижно, съ шапками въ рукахъ. Завидя ихъ, государь остановился, взялъ императрицу за руку и, подозвавъ инвалидовъ къ себѣ, что-то говорилъ то имъ, то императрицѣ. Вѣроятно, онъ объяснялъ ей, кто они такіе и какъ попали сюда, а имъ открылся, что они вчера у него же спрашивали о бѣломъ царѣ. Мы видѣли только, что солдатики упали на колѣни, поклонились до земли, а потомъ государь и императрица осчастливили ихъ, давъ поцѣловать свои руки. Затѣмъ офицеръ, приведшій этихъ солдатъ, повелъ ихъ куда-то во дворецъ, а государь началъ обычнымъ порядкомъ производить смотръ.

Послѣ я узналъ, что государь предлагалъ этимъ солдатамъ помѣстить ихъ въ Петербургѣ, но они отказались, испросивъ позволеніе вернуться на родину, гдѣ хотѣли сложить свои кости. Государь велѣлъ одѣть ихъ и дать имъ на дорогу денегъ, чтобы они могли доѣхать спокойно, а не идти пѣшкомъ.

XV.

Ложный доносъ.

Въ 1853 году, въ младшій офицерскій классъ военнаго инженернаго училища, во время лекціи, вошелъ директоръ училища генералъ Ломновскій, въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

При входѣ директора, ученики офицеры, разумѣется, встали и съ удивленіемъ взглянули на необычайнаго его спутника. Генералъ былъ взволнованъ и разстроенъ.

— Такой-то! — назвалъ онъ дрожащимъ голосомъ одного изъ офицеровъ,—выйдите сюда.

Офицеръ вышелъ изъ-за своего столика и подошелъ. Жандармъ подробно разспросилъ его объ имени, отчествѣ, откуда родомъ и прочее и свѣрилъ его отвѣты по бумагѣ, которую держалъ въ рукахъ.

— Такой-то!—вызвалъ Ломновскій другого офицера.

Допросилъ жандармъ и этого.

— Такой-то,—вызвалъ генералъ третьяго.

И съ этимъ повторилось то же.

— Вы, господа,—обратился къ нимъ Ломновскій,—послѣдуете за капитаномъ (жандармскимъ), а вы, господа,—сказалъ онъ всѣмъ остальнымъ,—продолжайте ваши занятія.

Вызваннымъ не дали даже времени прибрать свои принадлежности занятій, и жандармъ повелъ ихъ изъ замка чрезъ Цѣпной мостъ, въ Третье отдѣленіе...

Понятно, что такое неожиданное и никогда не бывалое въ училищѣ событіе, какъ арестъ трехъ офицеровъ, сильно взволновало всѣхъ, начиная отъ директора и кончая послѣднимъ сторожемъ. Нѣсколько дней не было во всемъ училищѣ другихъ толковъ и разговоровъ, какъ объ этихъ арестованныхъ. Всѣ они трое были поляки, и потому общія заключенія сводились къ тому, что не участвуютъ ли они въ какомъ нибудь заговорѣ, хотя товарищи, знавшіе ихъ хорошо, горячо отвергали такое предположеніе. На вопросы, обращенные къ директору, генералу Ломновскому, онъ отвѣчалъ, что самъ ничего не знаетъ, такъ какъ получилъ только лаконическое предписаніе отъ шефа жандармовъ, передать требуемыхъ офицеровъ въ распоряженіе присланнаго жандарма.

Такъ, во всеобщемъ недоумѣніи и тревогѣ, прошло около двухъ недѣль, когда всѣ трое арестованныхъ явились на лекціи, веселыми, здоровыми, вовсе не похожими на людей, которые выдержали суровое тюремное заключеніе.

— Что было съ вами?—спрашивали ихъ товерищи.

— А вотъ что,—разсказывали они.—Привелъ насъ жандармъ въ какой-то залъ, въ которомъ, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли разные чины жандармскаго управленія. Каждаго изъ насъ допросили подробно о происхожденіи, о родствѣ и знакомствахъ и прочее.

— При этомъ, господа, отличился Карево.

— А что?

— Его подзываютъ къ столу. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился. Подойдите же поближе!—говорятъ ему. Онъ подвинулся еще на шагъ и опять остановился.—Да подойдите же ближе! Вѣдь такъ издали неудобно съ вами говорить!—Ничего,—отвѣчаетъ онъ судьямъ:—я васъ хорошо слышу, а самъ буду громче говорить.

— Подойдите сюда, къ самому столу!—уже строгимъ голосомъ приказалъ предсѣдатель.

Нечего дѣлать, Карево подошелъ къ столу, но крайне осторожно, пробуя ногою и внимательно оглядывая каждую квадратину паркета. Тутъ все присутствіе невольно расхохоталось, понявъ, въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что про Третье отдѣленіе были распу-

щены слухи, будто бы тамъ, въ одной изъ комнатъ, есть спускной люкъ, устроенный такъ, что стоящій на немъ провалится на половину: внизу его будто бы сѣкутъ, а на верху подъ розгами допрашиваютъ. Вотъ Карево и вообразилъ, что его сейчасъ же начнутъ сѣчь...

По окончаніи этого перваго допроса, ихъ развели по арестантскимъ камерамъ и заперли каждаго отдѣльно. Камеры эти нисколько не напоминали тюрьмы. Это были свѣтлыя и чистыя комнаты, очень хорошо меблированныя, съ мягкими постелями, чистымъ бѣльемъ, съ умывальниками и всѣми необходимыми принадлежностями.

Содержали арестованныхъ не только хорошо, но даже роскошно. Утромъ подавали кофе или чай, по желанію. На завтракъ два блюда, на обѣдъ четыре, при чемъ подавался дессертъ изъ фруктовъ, полъ-бутылки столоваго вина и даже хорошія сигары. Вечеромъ опять чай, съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Причина же ихъ ареста заключалась въ слѣдующемъ. Эти три офицера жили на одной квартирѣ, при чемъ каждый имѣлъ своего денщика. Одинъ изъ этихъ денщиковъ оказался негодяемъ большой руки: пьянствовалъ и воровалъ самымъ нахальнымъ образомъ. Офицеръ, которому онъ служилъ, пробовалъ его и усовѣщевать, и бранить, и даже поколачивать подъ конецъ, но ничего не помогало. Дошло дѣло до того, что однажды онъ обокралъ своего барина, да и товарищей его, на очень порядочную сумму. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, офицеръ отправилъ его въ команду, изъ которой отпускались денщики офицерамъ, и просилъ выпороть его хорошенько, что и было исполнено.

Тогда озлобленный этимъ денщикъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ трое сожителей-офицеровъ были поляки, донесъ на нихъ въ Третье отдѣленіе, будто бы они составляютъ заговоръ, что у нихъ происходятъ сборища разныхъ подозрительныхъ лицъ и тому подобное.

Разумѣется, по разслѣдованіи дѣла, все это оказалось вздоромъ. Денщика за ложный доносъ прогнали сквозь строй и сослали, а офицеровъ не медля освободили.

Императоръ былъ крайне возмущенъ этимъ случаемъ и поручилъ наслѣднику цесаревичу (впослѣдствіи императору Александру II) извиниться предъ неповинно пострадавшими офицерами.

Наслѣдникъ пригласилъ ихъ къ себѣ и отъ имени государя просилъ забыть сдѣланную имъ непріятность.

— Государь,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—гораздо болѣе васъ, господа, огорченъ этимъ несчастнымъ случаемъ. Вы знаете, какъ онъ всегда любитъ васъ, и все время, пока дѣло не разъяснилось, онъ скорбѣлъ о томъ, что подобный случай могъ поколебать его доброе чувство къ вамъ. Но, слава Богу, туча прошла мимо. Не имѣете ли вы какой нибудь претензіи на содержаніе ваше въ Третьемъ отдѣленіи?

— Никакихъ, ваше императорское высочество.

При этомъ чудакъ Карево опять отличился.

— Я жалѣю только объ одномъ, ваше императорское высочество,— сказалъ онъ,— что насъ продержали тамъ очень мало...

— Это почему?—съ удивленіемъ спросилъ наслѣдникъ.

— Да потому, что насъ тамъ угощали такъ хорошо, что, вѣроятно, никогда въ жизни больше не удастся такъ вкусно ѣсть и пить. Да и сигары очень хорошія давали.

Наслѣдникъ расхохотался и отпустилъ ихъ, пожелавъ всего лучшаго на свѣтѣ.

XVI.

Извозчикъ.

Однажды, бывши офицеромъ, я ѣхалъ зимою съ Литейной на Васильевскій островъ. Извозчикъ попался мнѣ старикъ, очень добродушный и словоохотливый. Худенькая лошаденка его трусила такъ непріятно, что каждый шагъ ея отзывался толчкомъ, и старикъ все время подстегивалъ ее кнутомъ, съ разными причитаньями и наставленіями, въ родѣ тѣхъ, съ которыми кучеръ Чичикова, Селифанъ, обращался къ чубарому.

Въ одномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ, насъ обогналъ какой-то полковникъ, который, кивнувъ головою моему извозчику, сказалъ ему:

— Здравствуй, братъ! Что давно не былъ? Не забывай, заходи!

Извозчикъ мой поклонился, снявъ шапку, и отвѣтилъ вслѣдъ:

— Зайду, родимый, зайду какъ нибудь.

— Кто это такой?—спросилъ я.

Извозчикъ повернулся ко мнѣ бокомъ и, радостно улыбаясь, сказалъ:

— Братъ мой родной, вотъ кто это!

— Вре-ешь!

— Чего, сударь, врать? Вотъ-те Христосъ — родной братъ...

— Да какъ же такъ: онъ — полковникъ, а ты — мужикъ?

— Что-жъ, баринъ, такое ужъ ему счастье на роду! Онъ сданъ былъ въ некруты, годовъ, почитай, тридцать назадъ, и вотъ Господь сподобилъ его дослужиться до полковницкаго чина, а скоро, говоритъ, и генераломъ будетъ.

Такіе случаи бывали встарину, хотя и очень рѣдко, а потому я болѣе не спорилъ и повѣрилъ старику.

— И онъ, какъ видно, не зазнался предъ родней?—спросилъ я.

— Нѣтъ, сударь, грѣхъ сказать, не зазнался, дай Богъ ему здоровья и счастья. Отца и мать, пока были живы, очень почиталъ, помогалъ имъ, и мною, какъ видишь, не брезгуетъ.

— Ты бываешь у него?

— Бываю, сами слышали, сударь, что зоветъ къ себѣ.

— Да, слышалъ, какъ же онъ тебя принимаетъ?

— Очень хорошо, сударь. Извѣстно, ужъ я ему теперь не товарищъ, я мужикъ, а онъ человѣкъ полированный, межъ нами равности уже нѣтъ, а все же, какъ прійдешь къ нему, такъ обласкаетъ, попотчуетъ и завсегда, на прощанье, что ни на есть подаритъ.

— Это дѣлаетъ ему большую честь,— сказалъ я.

— Да ужъ такую честь, сударь, что и сказать нельзя.

— Хорошо онъ живетъ? Богато?

— Очинно богато, сударь. У него казенная хватера подъ Смольнымъ. Никакъ комнатъ десять будетъ.

— Гдѣ же онъ тебя принимаетъ: въ комнатахъ?

— Нѣтъ, сударь, туда я самъ не иду. Гдѣ же намъ, мужикамъ сиволапымъ, въ барскія хоромы залѣзать! Тамъ и ковры, и зеркала, и всякая небель, того и гляди, что нибудь попортишь или запачкаешь. Разъ, правда, онъ мнѣ показалъ свою хватеру, такъ вотъ я подивился, сударь, чего-то нѣтъ только у васъ, у господъ-то! Иная штука такая, что и не придумаешь, на что она годится, а стоитъ себѣ и мѣсто занимаетъ. А я, какъ прихожу, такъ на кухню, либо въ людскую, гдѣ у него денщики живутъ. Тамъ онъ меня и принимаетъ: денщиковъ вышлетъ вонъ и велитъ подать что есть въ печи, самъ присядетъ со мной и бесѣдуетъ. Хорошій человѣкъ, дай Богъ ему здоровья.

— Такъ вотъ ты какой родней обзавелся. Съ тобой не шути теперь.

Извозчикъ улыбнулся.

— А вѣдь я и самъ не простакъ, что вы думаете?—сказалъ онъ, снова обернувшись ко мнѣ.

— Ой-ли? А чѣмъ же ты отличился?

— Да ужъ такъ, сударь, отличился, что и брату моему, даромъ что онъ полковникъ, почитай, не отличиться такъ... Знаете ли, что я самого царя возилъ?

— Ну, что-жъ тутъ мудренаго? Вѣроятно, въ ямщикахъ былъ?

— Вотъ то-то и есть, что въ ямщикахъ никогда не былъ, а царя возилъ. Вы какъ это разсудите?

— Не знаю, братъ; разскажи.

— А вотъ слушайте, какъ было дѣло. Пріостановился я одново на самомъ углу Невскаго, у Адмиралтейской площади. Стою это и жду сѣдока. Только слышу сзади себя шумъ. Оглянулся назадъ, и что жъ бы вы думали? Ѣхалъ царь, Николай Павловичъ, въ санкахъ, объ одну лошадь, сѣрая такая, въ яблокахъ. Только зазѣвался, должно быть, евоный кучеръ, сцѣпился съ кѣмъ-то, да на грѣхъ и сломи оглоблю. Какъ тутъ быть? Дальше ѣхать нельзя. Подбѣжали полицейскіе и народъ, помогать, значитъ, а чего тутъ помогать, когда оглобли нѣтъ! Гляжу я, царь-то вышелъ изъ санокъ, сказалъ что-то

кучеру, и прямо идетъ ко мнѣ. Я, извѣстно, шапку снялъ и гляжу на батюшку нашего. Никакъ мнѣ не въ домекъ, зачѣмъ онъ идетъ въ мою сторону. Только онъ подошелъ ко мнѣ вплоть и говоритъ:

— Давай, старичина, вези во дворецъ!

Слышу я и ушамъ своимъ не вѣрю! Такъ ошалѣлъ, что и понять не могу, что мнѣ дѣлать. Къ счастью, подбѣжалъ тутъ квартальный, отстегнулъ это полость, помогъ государю сѣсть и крикнулъ мнѣ: пошелъ!

Держу я въ одной рукѣ шапку и вожжи, а другою стегаю своего меринка и въ хвостъ и въ гриву. Государь уже самъ приказалъ мнѣ:

— Накройся, — говоритъ, — шапкою, да возьми вожжи въ обѣ руки.

Вижу, правду онъ говоритъ, одною рукою не управиться. Накрылся я, и какъ стали подъѣзжать ко дворцу, не знаю, куда направить, а спросить не смѣю: такъ весь духъ во мнѣ сперло... Только батюшка царь самъ уже сказалъ мнѣ подъѣздъ. Остановился я, вновь снялъ шапку, а самъ и глаза боюсь поднять. Подбѣжали тутъ квартальный да лакеи, отстегнули полость, помогли царю выйти. Всталъ онъ этто изъ саней и говоритъ мнѣ:

— Спасибо, старикъ. Обожди, говоритъ, немного.

Ни живъ, ни мертвъ, хотѣлъ было я стегнуть своего меринка да удрать безъ грѣха, только квартальный не пущаетъ.

— Слышалъ, говоритъ, что государь велѣлъ тебѣ ждать!

Нечего дѣлать, приткнулся я съ санями къ панели и жду. Чтожъ бы вы думали, сударь? Не прошло много времени, выходитъ изъ подъѣзда лакей и выноситъ мнѣ двадцать пять рублей.

— Вотъ видишь ли, чего же ты боялся?

— Да какъ же, сударь, не бояться? Вѣдь не кто какой, а самъ царь! Вы подумайте только! Лошаденка-то у меня плохонькая, сами видите; санки старыя, полость облѣзлая, грязная и вдругъ — самъ царь ко мнѣ садится! Отродясь не думалъ дожить до такого счастья, и вотъ сподобилъ Господь!

— Куда же ты дѣвалъ эти двадцать пять рублей? Пропилъ, небось, съ радости?

— И-и! Что вы, сударь, какъ можно! Я, слава Богу, живу ничего себѣ, все у меня есть, два сына работаютъ, зимой вотъ ѣзжу здѣсь, живемъ, помаленьку; такъ эти царскія-то деньги я въ церкву, нашу деревенскую отдалъ, чтобы, значитъ, образъ святому Николаю Угоднику справили. Хорошій образъ сдѣлали, въ серебряной ризѣ, молимся теперь ему за батюшку царя. Такъ-то вотъ...

XVII.

Памятникъ венгерской кампаніи.

Въ одномъ изъ армейскихъ саперныхъ батальоновъ служилъ офицеромъ нѣкто Смирновъ, человѣкъ въ высшей степени своеобразный. Онъ былъ средняго роста, широкоплечій, слегка сутуловатый, носилъ длинные усы, опущенные книзу скобками, и смотрѣлъ звѣремъ изъ-подъ густыхъ, нависшихъ надъ глазами, бровей.

Къ числу многихъ странностей надо отнести то, что онъ никогда не употреблялъ мѣстоименія «вы» и даже къ высшему начальству обращался съ такими словами:

— Ты, ваше превосходительство, напрасно изволишь гнѣваться, или:

— Ты, ваше превосходительство, совсѣмъ не дѣло говоришь и т. п.

Однажды, какой-то изъ высшихъ начальниковъ, дѣлавшій смотръ батальону, въ которомъ служилъ Смирновъ, призвалъ его зачѣмъ-то къ себѣ на квартиру и, между прочимъ, сдѣлалъ ему замѣчаніе о неумѣстномъ употребленіи слова: ты.

Смирновъ показалъ рукою на висѣвшій въ углу образъ и невозмутимо отвѣтилъ:

— Вотъ самый старшій генералъ надъ всѣми нами, а и ему я говорю: помилуй мя, Господи!

Когда, по полученіи капитанскаго чина, онъ былъ назначенъ командиромъ саперной роты, то, прежде всего, призвалъ къ себѣ фельдфебеля и вступилъ съ нимъ въ такого рода бесѣду:

— Ну, шельма, какъ-то мы съ тобой будемъ служить?

— Буду стараться, ваше ск—родіе! — отвѣтилъ фельдфебель.

— Стараться, братъ, особенно нечего, дѣло простое: чтобы въ солдатскій котелъ класть все, что слѣдуетъ по положенію. Понялъ?

— Слушаю, ваше ск—родіе!

— Тебѣ и унтеръ-офицерамъ артель положитъ прибавку, а болѣе чтобы ни-ни! Солдатъ долженъ быть сытъ.

— Точно такъ, ваше ск—родіе.

— Больше ничего. Ступай. Я сейчасъ приду въ казарму.

Фельдфебель распорядился, для встрѣчи капитана, выстроить роту фронтомъ. Поздоровавшись съ командою, капитанъ обошелъ ряды, внимательно вглядываясь въ каждаго солдата, а потомъ, ставъ передъ ротой, спокойно, но увѣренно, объявилъ:

— У меня, ребята, розогъ не будетъ, и кулакамъ я тоже воли не даю. Служите по совѣсти, какъ Богъ велитъ. Но и потачки я не дамъ. Помните это.

Если принять во вниманіе, что это было сказано въ тѣ нико-

лаевскія времена, когда розги и кулаки служили общепринятымъ орудіемъ солдатскаго образованія, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на солдатъ такая рѣчь ихъ капитана. Одни, вѣроятно, даже не поняли его, а другіе не повѣрили ему. Но капитанъ Смирновъ крѣпко держалъ данное слово.

Провинится какой нибудь солдатъ, онъ его назначитъ стоять на часахъ въ своей квартирѣ, въ полной аммуниціи, а иногда, смотря по винѣ, и съ ранцемъ, наполненнымъ пескомъ. Солдатъ стоитъ у дверей, а капитанъ занимается какимъ нибудь дѣломъ у стола и по временамъ бесѣдуетъ съ часовымъ.

— Угораздило, братецъ, тебя на такую штуку: у товарища рубль украсть! Хорошее дѣло, нечего сказать! Какой же ты товарищъ, а? Лучше бы у меня укралъ, а то у солдата! Самъ знаешь, какъ солдату трудно достается копейка. Нехорошее, братъ, дѣло, совсѣмъ нехорошее!

Виноватый, стоя у дверей, слушаетъ и думаетъ: что-то будетъ дальше? Вспоретъ меня капитанъ, какъ ни на есть—вспоретъ!

Капитанъ помолчитъ, занявшись какимъ нибудь дѣломъ, а потомъ сызнова заговоритъ.

— Вкусенъ ли былъ краденый-то рубль, а? Эхе-хе! Грѣхи наши тяжкіе. И не стыдно тебѣ будетъ на товарищей глядѣть теперь? Какъ тебя звать-то?

— Ѳедоръ Михайловъ, ваше ск—родіе!

— То-то вотъ и есть, Ѳедоръ Михайлычъ. Не чортъ ли твою руку подтолкнулъ! Вѣдь доброму солдату до такой штуки безъ чорта не додуматься. Видитъ нечистый, что у капитана Смирнова рота молодецъ къ молодцу, какъ бисеръ нанизанный, вотъ и взяла его зависть, проклятаго. Дай, думаетъ, подучу Ѳедора Михайлыча рубль украсть, а Ѳедоръ Михайлычъ, какъ баба какая, уши и распустилъ. У самого, вишь, разсудка не хватило, такъ стараго лѣшаго послушалъ.

Солдатъ смотритъ на капитана и недоумѣваетъ. А капитанъ усядется за работу къ столу и какъ будто забылъ о виновномъ. Черезъ полчаса времени, однако, онъ встаетъ, подходитъ къ Ѳедору Михайлову и, глядя въ упоръ своими грозными глазами, спроситъ:

— Ну, такъ какъ же, братъ? Будешь воровать напредки?

— Никакъ нѣтъ, ваше ск—родіе.

— Ой-ли? Закаешься?

— Точно такъ, ваше ск—родіе!

— И чорта слушать не будешь?

— Не буду, ваше ск—родіе!

— И не слушай его: какъ онъ станетъ тебя снова мутить, ты перекрестись, да приди прямо ко мнѣ сказать. Вдвоемъ-то съ тобой мы съ нимъ управимся, знаешь какъ! А теперь ступай въ роту.

— Покорнѣйше благодарю, ваше ск—родіе!

Солдатъ уходитъ отъ капитана, совершенно озадаченный, не понимая, что съ нимъ сдѣлалось. Его не выпороли, ему не разбили зубы, его даже не выругали, а что-то съ нимъ сдѣлали, чего онъ никакъ не могъ въ толкъ взять. А сдѣлали то, что солдатъ, склонный къ воровству, сталъ бояться этой слабости пуще всякаго грѣха. Какъ нотянетъ его руку къ чужой собственности, онъ, вспомнивъ слова капитана, начнетъ креститься и отмаливаться. И помогало! Не надо даже и къ капитану идти за помощью: чортъ убѣгалъ при первыхъ двухъ-трехъ крестахъ!

Солдаты его любили.

— Намъ што! — говорили они.— Намъ у него хорошо! Живемъ, какъ у Христа за пазухой. И самъ не обидитъ и никому въ обиду не дастъ!

И онъ дѣйствитѣльно никому не позволялъ обижать своихъ солдатъ. Былъ такой случай. Передъ венгерской кампаніей пріѣхалъ начальникъ штаба сдѣлать смотръ батальону, въ которомъ служилъ Смирновъ. Во время ружейныхъ пріемовъ одинъ солдатъ какъ-то неловко вскинулъ ружьемъ, что тотчасъ было замѣчено генераломъ.

— Выпороть его, каналью!—крикнулъ онъ, обращаясь къ капитану Смирнову.

— У меня розогъ нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ старый капитанъ, прикладываясь къ козырьку.

Начальникъ штаба недоумѣло взглянулъ на него.

— Какъ?!—закричалъ онъ. Это что значитъ?

— А то значитъ, ваше превосходительство, что я восемь лѣтъ командую ротой и розогъ не заводилъ. Такъ теперь, передъ походомъ, совсѣмъ уже не время этимъ заниматься. Намъ теперь надо штыки оттачивать.

Генералъ совсѣмъ былъ озадаченъ такимъ небывалымъ сопротивленіемъ и сгоряча приказалъ батальонному командиру отправить строптиваго капитана на гауптвахту.

— Поздно мнѣ сидѣть на гауптвахтѣ,—возразилъ и на это капитанъ—.Сколько лѣтъ я служилъ и такого позора не заслуживалъ. А ты, ваше превосходительство, если не доволенъ мною, такъ отдай меня подъ судъ.

Неизвѣстно чѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибъ не вмѣшался батальонный командиръ, объяснившій генералу, что Смирновъ всегда былъ такой, что къ его чудачеству всѣ привыкли, что онъ все-таки лучшій офицеръ въ батальонѣ, и что, наконецъ, теперь, передъ походомъ, неудобно смѣнять ротнаго командира, къ которому солдаты привыкли.

Послѣ смотра начальникъ штаба потребовалъ капитана Смирнова къ себѣ для объясненій. Разумѣется, онъ опять упрекалъ, грозилъ, кричалъ и такъ далѣе. Капитанъ терпѣливо выслушалъ и, окинувъ грознаго начальника своимъ глубокимъ взглядомъ, сказалъ:

— Послушай меня, ваше превосходительство. Ты, вотъ, говорилъ, что можешь отдать меня подъ судъ за нарушеніе дисциплины. Что-жь, отдавай, только хорошо ли это будетъ? Чѣмъ я нарушилъ дисциплину? Что не далъ тебѣ обидѣть честнаго солдата? Такъ вѣдь на то я и капитанъ его, чтобъ стоять за него горой. Посуди самъ, что бы было хорошаго: сегодня ты его велишь выпороть, завтра—бригадный командиръ, послѣзавтра—начальникъ дивизіи, дальше—корпусный командиръ, дальше—главнокомандующій... и всѣ-то будутъ его драть и драть, не зная его, видя его въ первый разъ, ни за что, ни про что! При чемъ же я-то буду? Какъ я его пошлю на бой послѣ всѣхъ этихъ пòрокъ? Развѣ солдатъ не спроситъ меня тогда: а гдѣ ты былъ, командиръ, когда господа генералы меня пороли?

Эта необычная рѣчь совсѣмъ смутила начальника штаба, и онъ оставилъ капитана Смирнова въ покоѣ, но...

Во время венгерской кампаніи какъ-то такъ выходило, что рота капитана Смирнова, случайно или нѣтъ, употреблялась всегда на самыя трудныя и опасныя предпріятія. Гдѣ надо было совершить что нибудь почти невозможное, туда всегда назначали капитана Смирнова съ его ротой. Видимо начальникъ штаба не забывалъ его и желалъ, вѣроятно, доставить ему случай отличиться.

Капитанъ Смирновъ не ропталъ на это и исполнялъ всѣ порученія съ тѣмъ же спокойнымъ хладнокровіемъ, съ которымъ проходилъ всю свою службу.

Послѣ каждаго дѣла, повѣряя ряды своей роты и не досчитываясь въ ней многихъ, онъ тяжело вздыхалъ и записывалъ въ памятную книжку имена убитыхъ, за которыхъ потомъ читалъ молитвы предъ оставшимися въ живыхъ. Каждый вечеръ, послѣ обычной молитвы «Отче нашъ», отдѣленные унтеръ-офицеры должны были прочитывать, каждый предъ своимъ отдѣленіемъ, списки убитыхъ, заканчивая этотъ перечень молитвою: «Помяни ихъ, Господи, во царствіи Твоемъ».

Между тѣмъ списки эти дѣлались все длиннѣе и длиннѣе, по мѣрѣ хода войны. Рота капитана Смирнова таяла, какъ свѣчка, и онъ уже разсчитывалъ, что если война продлится еще столько же времени, то онъ вернется въ Россію съ однимъ барабанщикомъ. Не смотря на то, при представленіяхъ къ наградамъ, штабные писаря всегда забывали внести роту капитана Смирнова въ списокъ отличившихся.

Вступая въ Венгрію, капитанъ ввелъ подъ своей командой ровно триста человѣкъ саперъ, а привелъ обратно всего сто двѣнадцать. Двѣ трети его роты усѣяли своими костями венгерскія равнины. Капитанъ сдѣлался угрюмъ.

— Мнѣ ничего не надо, — говорилъ онъ иногда своимъ офицерамъ.—Но мнѣ обидно то, что за всю кампанію на нашу роту не дали даже одного георгіевскаго креста. А вѣдь мы его крѣпко заслужили.

Года черезъ три послѣ венгерской кампаніи капитанъ Смирновъ долженъ былъ участвовать съ своей ротой въ красносельскомъ лагерномъ сборѣ. Рота его была, конечно, пополнена, но всѣ герои, совершившіе съ нимъ походъ, были на лицо.

Капитанъ насыпалъ передъ своей палаткой небольшой курганъ, обдѣлалъ его дерномъ и на верху поставилъ небольшую бронзовую статуетку, изображавшую какого-то испанца, со шпагой въ рукѣ. Эта статуэтка была единственнымъ трофеемъ, вынесеннымъ имъ изъ венгерскаго похода. Онъ очень дорожилъ ею, всегда держалъ на своемъ письменномъ столѣ, а тутъ почему-то вздумалъ поставить на видномъ мѣстѣ, рискуя даже, что ее могутъ украсть. Когда его спрашивали, для чего онъ это сдѣлалъ, и что изображаетъ этотъ курганъ, онъ отвѣчалъ, что это памятникъ его солдатамъ, погибшимъ въ венгерской кампаніи.

Слухъ объ этомъ игрушечномъ памятникѣ и объ авторѣ его, разумѣется, разошелся по лагерю, и въ свободное время многіе офицеры гвардейскихъ полковъ заходили, во время прогулки, посмотрѣть на него, при чемъ заговаривали съ капитаномъ Смирновымъ, часто сидѣвшимъ на стулѣ, у своей палатки, съ неизмѣнной трубкой въ рукахъ. Такъ какъ въ гвардейскихъ полкахъ служатъ многіе наши аристократы, близкіе ко двору, то не мудрено, что разсказъ о чудакѣ капитанѣ какъ нибудь дошелъ до слуха императора.

Однажды, вечеромъ, капитанъ сидѣлъ въ своей палаткѣ за самоваромъ, какъ заслышалъ крикъ дежурныхъ: «всѣмъ на линію!». Это значитъ, что лагерь обходитъ кто нибудь изъ начальствующихъ лицъ. Быстро одѣвшись въ сюртукъ, капитанъ Смирновъ вышелъ изъ палатки и началъ осматривать сбѣжавшихся солдатъ.

— Съ котораго фланга?—спросилъ онъ дежурнаго.

— Съ лѣваго, ваше ск—родіе.

Капитанъ взглянулъ по указанному направленію и легко узналъ вдали внушительную фигуру императора Николая Павловича, который шелъ пѣшкомъ, съ небольшою свитой, но которая постепенно увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ государь подвигался далѣе. Экипажъ его слѣдовалъ сзади.

— Государь идетъ!—сказалъ капитанъ своей ротѣ.—Подтянитесь, ребята! Смотрите веселѣе! Выровняйтесь хорошенько. Глаза налѣво!

Государь между тѣмъ приближался. Онъ шелъ, почти не останавливаясь, здороваясь съ выстроенными частями войскъ, и въ скоромъ времени приблизился къ мѣсту расположенія роты капитана Смирнова.

— Здорово, ребята!

— Здравія желаемъ вашему императорскому величеству!—дружно отвѣтили саперы.

Палатка капитана Смирнова приходилась какъ разъ у праваго фланга выстроившейся роты, такъ что курганъ со статуеткой на-

ходился на самомъ пути государя. Императоръ, разумѣется, замѣтилъ его.

— Что это такое? — спросилъ онъ капитана, державшаго руку подъ козырекъ.

— Это, ваше величество, памятникъ венгерской кампаніи!— громко отвѣтилъ капитанъ.

Государь сначала улыбнулся, но потомъ лицо его быстро приняло свое обычное серьезное выраженіе. Какъ наружность капитана, угрюмаго, закаленнаго въ бояхъ воина, такъ и твердый, увѣренный голосъ, которымъ онъ отвѣтилъ, невольно обратили на себя вниманіе императора.

— Ты былъ въ Венгріи?—спросилъ онъ.

— Вмѣстѣ со своей ротой, ваше величество! — отвѣтилъ капитанъ, показавъ на солдатъ, о которыхъ всегда думалъ больше, чѣмъ о себѣ.

Государь внимательно оглянулъ саперъ. Капитанъ понялъ этотъ взглядъ.

— Тутъ теперь полторы сотни новичковъ, ваше величество,— сказалъ онъ.

— А гдѣ же кавалеры твои? Я ни одного не вижу!

— Мои кавалеры, ваше величество, остались въ Венгріи. Домой я привелъ людей, должно быть, никуда негодныхъ,—смѣло отвѣтилъ капитанъ.

Императоръ нахмурился. Онъ, очевидно, началъ угадывать смыслъ отвѣтовъ капитана.

— Вызови бывшихъ съ тобою въ походѣ,—приказалъ онъ.

Капитанъ сталъ передъ ротой и скомандовалъ.

— Венгерцы впередъ! Стройся! Глаза направо.

Сотня, съ небольшимъ, солдатъ вышли изъ фронта впередъ, живо выстроились и выровнялись. Императоръ осмотрѣлъ ихъ и еще болѣе нахмурился.

— Всѣ, ваше величество! Сто восемьдесятъ восемь человѣкъ мы похоронили въ Венгріи и каждый день молимся за упокой ихъ душъ.

Государь взялъ за руку одного стараго генерала, сопутствовавшаго ему (имени и положенія котораго капитанъ Смирновъ не зналъ), и, отойдя съ нимъ въ сторону, что-то долго и горячо говорилъ ему. Генералъ, слушая государя, безпрестанно кланялся. Затѣмъ, вернувшись назадъ, государь взялъ капитана Смирнова за плечо и, выйдя съ нимъ передъ фронтомъ, сказалъ:

— Ты получишь на роту десять георгіевскихъ крестовъ; всѣмъ остальнымъ медали и по пяти рублей на человѣка. Ты самъ что получилъ за кампанію?

— Счастіе говорить сегодня съ тобою, государь!—отвѣтилъ капитанъ, прослезившійся отъ радости, что наконецъ-то его солдаты,

которыхъ онъ такъ любилъ, были оцѣнены по достоинству и притомъ самимъ царемъ.

Императоръ притянулъ къ себѣ капитана и поцѣловалъ его въ щеку.

— Поздравляю тебя полковникомъ и георгіевскимъ кавалеромъ,— сказалъ онъ.— Спасибо, ребята, за славную службу!—крикнулъ онъ солдатамъ.

— Ура-а!—отвѣтили они и, въ порывѣ восторга, забывъ всякую дисциплину, окружили государя и капитана, цѣлуя полы ихъ сюртуковъ и руки и продолжая кричать:—ура-а! рады стараться, ура-а!

Когда, по приказанію государя, они снова выстроились, государь еще разъ обратился къ полковнику Смирнову и сказалъ ему:

— Составь рапортъ о всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ участвовалъ, и представь по начальству на мое имя, а этотъ свой памятникъ убери.

— Слушаю, ваше величество!—отвѣтилъ новопроизведенный полковникъ.

По уходѣ императора, полковникъ Смирновъ велѣлъ саперамъ не медля же срыть курганъ, а бронзоваго испанца со шпагой въ рукѣ перенесъ на свой письменный столъ.

— Вѣдь болванъ,— говорилъ онъ потомъ, щелкая испанца ногтями,— а сумѣлъ доложить государю о моихъ саперахъ лучше всякаго штабнаго писаря...

По чину полковника Смирновъ уже не могъ оставаться командиромъ роты и вскорѣ получилъ одинъ изъ саперныхъ баталіоновъ, расположенныхъ на югѣ Россіи.

XVIII.

Императоръ Николай I, какъ супругъ.

Императоръ Николай I былъ человѣкъ очень неприхотливый на счетъ жизненныхъ удобствъ. Спалъ онъ на простой желѣзной кровати, съ жесткимъ волосянымъ тюфякомъ и покрывался не одѣяломъ, а старою шинелью. Точно также онъ не былъ охотникъ до хитрой французской кухни, а предпочиталъ простыя русскія кушанья, въ особенности щи да гречневую кашу, которая если не ежедневно, то очень часто подавалась ему въ особомъ горшечкѣ. Шелковая подкладка на его старой шинели была покрыта такимъ количествомъ заплатъ, какое рѣдко было встрѣтить и у бѣднаго армейскаго офицера.

Но на сколько онъ былъ простъ относительно себя, на столько же онъ былъ расточителенъ, когда дѣло касалось императрицы Александры Ѳеодоровны. Онъ не жалѣлъ никакихъ расходовъ, чтобы доставить ей малѣйшее удобство.

Послѣдніе годы ея жизни доктора предписали ей пребываніе въ Ниццѣ, куда она и ѣздила два или три раза. Нечего и говорить, что въ Ниццѣ былъ для нея купленъ богатый домъ, на берегу моря, который былъ отдѣланъ со всевозможной роскошью.

Но однажды, по маршруту, ей приходилось переночевать въ Вильнѣ. Для этой остановки всего на однѣ сутки былъ купленъ домъ за сто тысячъ и заново отдѣланъ и меблированъ отъ подваловъ до чердака.

Проживая въ Ниццѣ, императрица устроивала иногда народные обѣды. Для этого на эспланадѣ передъ дворцомъ накрывались столы на нѣсколько сотъ, а не то и тысячъ человѣкъ, и каждый обѣдавшій, уходя, имѣлъ право взять съ собою весь приборъ, а въ числѣ прибора находился между прочимъ серебряный стаканчикъ, съ вырѣзаннымъ на немъ вензелемъ императрицы. Если о богатствѣ Россіи долгое время ходили въ Европѣ баснословные разсказы, то этимъ разсказамъ, конечно, много содѣйствовала роскошь, которою императоръ окружалъ свою боготворимую спутницу жизни. Слухи о ея расточительности за границей доходили, конечно, и въ Россію и не мало льстили патріотическому самолюбію.

Такъ какъ императрицѣ не нравилась мѣстная вода, то изъ Петербурга каждый день особые курьеры привозили боченки невской воды, уложенные въ особые ящики, наполненные льдомъ. Зная это, многіе жители Ниццы старались добыть разными путями хоть рюмку невской воды, чтобы имѣть понятіе о такой рѣдкости. Опытные курьеры прихватывали съ собою лишній боченокъ и распродавали его воду, стаканами или рюмками, чуть не на вѣсъ золота.

Мнѣ случилось въ 1861 году проѣзжать въ дилижансѣ изъ Тулона въ Ниццу, и такъ какъ, для избѣжанія духоты, я сидѣлъ на переднемъ, открытомъ, мѣстѣ, то со мною рядомъ помѣщался кондукторъ. Онъ мнѣ разсказывалъ дорогою, что ему привелось два раза обѣдать на счетъ русской императрицы, и онъ хранитъ полученные на этихъ обѣдахъ два серебряные стаканчика.

Когда же я возвращался изъ-за границы, то въ поѣздѣ изъ Берлина въ Петербургъ ѣхалъ со мною курьеръ, который былъ посланъ съ какими-то вещами къ королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ. Оказалось, что онъ былъ изъ числа тѣхъ курьеровъ, которые возили воду для императрицы Александры Ѳеодоровны изъ Петербурга въ Ниццу.

— Это было хорошее время для насъ,— говорилъ онъ.— Кромѣ продажи воды въ Ниццѣ, мы наживались еще контрабандою.

— Какимъ же образомъ?

— Да очень просто: вѣдь насъ, императорскихъ курьеровъ, ни на какой таможнѣ не осматриваютъ. Поэтому мы свободно провозимъ что угодно, лишь бы не бросалось въ глаза. Я и теперь кое-что везу.

— А что именно?

Но курьеръ улыбнулся и, махнувъ рукою, ничего не отвѣтилъ. Я же почелъ неудобнымъ допытываться настойчивѣе.

XIX.

Комендантъ Фельдманъ.

Въ началѣ февраля 1855 года, сидѣли мы, офицеры инженернаго училища, въ классѣ и мирно слушали лекцію долговременной фортификаціи, которую читалъ намъ капитанъ Квистъ, какъ вдругъ двери изъ сосѣдняго, старшаго офицерскаго класса съ шумомъ растворились на обѣ половины, и прибѣжавшій быстро сторожъ впопыхахъ объявилъ: государь идетъ!

Чтобъ понять наше удивленіе, надо замѣтить, что государь заѣзжалъ къ намъ въ училище всегда осенью, а въ эти мѣсяцы, послѣ Новаго года, никогда не заглядывалъ. Мы всѣ знали, что дѣла въ Севастополѣ идутъ очень плохо, и потому понятно, что всѣхъ охватила одна и та же мысль, что случилось что нибудь особенное, что заставило государя измѣнить своимъ обычаямъ.

Не успѣли мы кое-какъ оправиться, застегнуть разстегнутыя пуговицы и привести въ болѣе приличный видъ разбросанные на столахъ чертежи, книги и бумаги, какъ заслышали такъ знакомый намъ громкій и звонкій голосъ государя въ старшемъ офицерскомъ классѣ, сердито кричавшаго:

— Гдѣ же Фельдманъ? Послать за нимъ немедля!

И съ этими словами онъ вошелъ въ нашъ классъ. Лицо его было красно отъ гнѣва, глаза метали молніи, онъ шелъ скорымъ шагомъ и, не поздоровавшись съ нами и какъ бы даже не замѣчая насъ, подходилъ уже къ противоположнымъ дверямъ, какъ въ эту минуту изъ-за нихъ показался Фельдманъ.

Тутъ нужно сдѣлать маленькое отступленіе.

Генералъ Фельдманъ считался комендантомъ Инженернаго замка. Это былъ старый, почтенный генералъ, для котораго это мѣсто коменданта было создано императоромъ, чтобы, не оскорбляя его отставкой, дать подъ старость лѣтъ почетное и нехитрое занятіе. Императоръ Николай очень часто создавалъ подобныя мѣста для старыхъ служакъ.

Въ одномъ изъ залъ Инженернаго замка, вслѣдъ за старшимъ офицерскимъ классомъ, помѣщались большія модели нѣкоторыхъ нашихъ главныхъ крѣпостей и въ томъ числѣ Севастополя. Модели эти были такъ велики, что на нихъ были сдѣланы маленькія мѣдныя пушки, съ лафетами и другими принадлежностями крѣпостной артиллеріи, и каждая модель занимала четыре или пять квадратныхъ саженъ. Модели эти хранились въ величайшей тайнѣ, и даже насъ,

инженеровъ, пускали ихъ осматривать только одинъ разъ, передъ самымъ окончаніемъ курса. Ключи отъ этого модельнаго зала хранились у Фельдмана, и безъ его разрѣшенія никто туда попасть не могъ.

Случилось, что Фельдманъ поддался на чьи-то просьбы, не знаю хорошенько—своихъ ли добрыхъ знакомыхъ или кого нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ, и дозволилъ имъ осмотрѣть модель Севастополя. Сторожъ, на обязанности котораго было содержать этотъ залъ и модели въ порядкѣ, замѣтилъ, что, кромѣ группы лицъ, допущенныхъ Фельдманомъ, по модельной ходятъ еще какихъ-то два господина, которые держатся особнякомъ и дѣлаютъ какія-то отмѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Онъ сказалъ объ этомъ офицеру, провожавшему гостей Фельдмана и объяснявшему имъ на модели Севастополя сущность происходившихъ тамъ событій. Офицеръ подошелъ къ двумъ непрошеннымъ гостямъ и попросилъ ихъ немедля удалиться, что они, конечно, и сдѣлали. Кто они были, я не могъ узнать достовѣрно, но, по слухамъ, это были какіе-то два иностранца.

Объ этомъ маленькомъ приключеніи кто-то донесъ государю, и вотъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ замокъ, грозный, какъ буря. Никогда еще прежде не случалось мнѣ видѣть его въ такомъ сильномъ припадкѣ гнѣва, какъ въ этотъ разъ.

Чуть не столкнувшись съ государемъ, Фельдманъ остановился и отвѣсилъ глубокій поклонъ. Онъ былъ небольшого роста, плечистый и съ большой лысой головой. Государю онъ приходился почти по поясъ.

— Какъ ты осмѣлился, старый дуракъ,—кричалъ на него государь, грозя пальцемъ,—нарушать мое строжайшее приказаніе о моделяхъ? Какъ ты осмѣлился пускать туда постороннихъ, когда и инженерамъ я не довѣряю эти вещи? До такой небрежности довести, что съ улицы могли забраться лица, совершенно неизвѣстныя? Для того ли я поставилъ тебя здѣсь комендантомъ? Что ты продать меня, что ли, хочешь? Не комендантомъ тебѣ быть этого замка, а самому сидѣть въ казематѣ подъ тремя запорами! Я не пощажу твоей глупой лысой головы, а отправлю туда, гдѣ солнце никогда не восходитъ! Если тебѣ я не могу довѣриться, то кому же, послѣ того, мнѣ вѣрить?

Я не припомню въ точности всего, что говорилъ государь несчастному коменданту, и привожу эти фразы только приблизительно вѣрно и въ гораздо болѣе мягкой формѣ, чѣмъ говорилъ государь, который въ своемъ неудержимомъ гнѣвѣ рѣшительно не стѣснялся никакими выраженіями. Фельдманъ не осмѣливался, да и не имѣлъ возможности что нибудь сказать въ свое оправданіе. Во все время грозной рѣчи государя онъ только молча кланялся и былъ красенъ, какъ ракъ. Я думалъ, глядя на него, что съ нимъ тутъ же сдѣ-

лается ударъ, и онъ упадетъ замертво. Государь говорилъ, то-есть, вѣрнѣе сказать, кричалъ долго и много, все время сильно жестикулируя и безпрестанно грозя пальцемъ.

Мы, офицеры, и все наше начальство, понемногу и потихоньку собравшееся въ нашемъ классѣ, стояли ни живы, ни мертвы, каждую минуту ожидая, что, покончивъ съ Фельдманомъ, государь обратится къ намъ и, замѣтивъ какой нибудь безпорядокъ, задастъ и намъ трепку. Но ему видимо было не до насъ.

Выливъ свой гнѣвъ на Фельдмана, онъ прошелъ дальше, не простившись съ нами, какъ вошелъ не поздоровавшись.

И это было послѣдній разъ, что мы его видѣли. Такъ его фигура и запечатлѣлась во мнѣ на всю жизнь, въ своемъ грозномъ величіи, заглушая тотъ симпатичный его образъ, когда онъ являлся не юпитеромъ громовержцемъ, а добрымъ любящимъ отцемъ своихъ многочисленныхъ дѣтей.

XX.

Кончина императора Николая I.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ печальнаго происшествія съ комендантомъ Фельдманомъ, а именно 18-го февраля, мы также сидѣли въ классахъ и слушали лекціи, какъ вдругъ по всему училищу разнеслась вѣсть о томъ, что государь — умеръ! Первое впечатлѣніе было такое, что никто ему не повѣрилъ. Да и какъ было намъ повѣрить, когда всего какихъ нибудь пять-шесть дней назадъ онъ былъ у насъ, и всѣ мы видѣли его совершенно крѣпкимъ и здоровымъ, а допустить, что у него случился ударъ, было невозможно, такъ какъ онъ далеко не былъ такого сложенія, при которомъ ударъ является естественнымъ концемъ.

Понятно, что лекціи были забыты, начались разговоры, толки и пересуды, и всѣ ждали, что съ минуты на минуту прійдетъ болѣе достовѣрное извѣстіе, которое опровергнетъ ложный слухъ о смерти, представлявшейся совершенно невозможною.

Но не прошло и полчаса съ минуты перваго переполоха, какъ въ классы къ намъ явился директоръ училища, генералъ Ломновскій, въ полной парадной формѣ, немедля собравшій всѣхъ въ рекреаціонный залъ, гдѣ уже стоялъ аналой и священникъ, ожидавшій насъ.

— Господа!—объявилъ намъ Ломновскій дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ. — Я только что изъ Зимняго дворца, куда ѣздилъ, чтобы провѣрить дошедшій до меня слухъ, казавшійся мнѣ невѣроятнымъ, о кончинѣ нашего обожаемаго монарха... Увы! къ сожалѣнію, слухъ оказался справедливымъ, и я сейчасъ поклонялся праху въ Бозѣ почившаго императора. Надо примириться съ этимъ

печальнымъ и ужаснымъ событіемъ! Приглашаю васъ, господа, прежде всего, принести присягу вновь вступившему на престолъ государю императору Александру Николаевичу, а затѣмъ помолиться за упокой души нашего общаго отца и благодѣтеля, въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Батюшка, приступите,— обратился онъ къ священнику.

Священникъ Розовъ взялъ присяжный листъ и, перекрестившись, началъ читать, а мы всѣ, поднявши руки, повторяли за нимъ слова присяги. Приложившись затѣмъ къ кресту и евангелію и подписавшись на присяжномъ листѣ, мы прослушали панихиду, причемъ на многихъ лицахъ я замѣтилъ непритворныя слезы. Говорю «непритворныя», потому что Николая Павловича дѣйствительно любили, не смотря на всю его суровость...

По окончаніи панихиды Ламновскій объявилъ, чтоκ лассныя занятія будутъ прекращены на нѣсколько дней, впредь до объявленія, и мы свободны разойтись по домамъ.

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ товарищей, Будкинъ.

— Ты куда пойдешь отсюда? — спросилъ онъ меня.

— Домой, а что?

— Не поѣхать ли намъ во дворецъ?—предложилъ онъ.—Не случилось бы чего опять? Ты помнишь 14 декабря 1825 года?

— Теперь ничего подобнаго не можетъ быть, — возразилъ я.— А во дворецъ, пожалуй, поѣдемъ. Посмотримъ, что тамъ дѣлается. Только, во всякомъ случаѣ, надо прежде заѣхать домой, надѣть мундиръ.

— Конечно. Такъ гдѣ же мы сойдемся?

— Да чего сходиться. Пріѣзжай прямо во дворецъ, тамъ увидимся.

— Ладно.

Такъ мы и сдѣлали. Пріѣхавъ домой, я сообщилъ о печальной новости отцу и матери, съ которыми жилъ. Оба они долго не могли повѣрить моему извѣстію и были поражены, какъ громомъ. Слезы показались на глазахъ отца, а мать положительно разрыдалась. Для нихъ покойный императоръ не былъ только государемъ, а человѣкомъ болѣе близкимъ, который обоихъ ихъ зналъ лично, обоимъ благодѣтельствовалъ, котораго они часто видали бывало въ Гатчинѣ, и который, наконецъ, отечески нѣжно относился къ ихъ дѣтямъ, что̀ ихъ родительскія сердца, конечно, глубоко чувствовали и цѣнили.

Одѣвшись въ парадную форму, но еще безъ траура, я поѣхалъ во дворецъ. На площади происходила суета. Безпрерывно подъѣзжали и отъѣзжали всевозможные экипажи, и толпами собирался народъ который, разбившись на небольшія кучки, обсуждалъ совершившееся событіе.

Войдя въ подъѣздъ (самый главный, если глядѣть со стороны

Главнаго штаба) и отдавъ шинель швейцару, я направился по лѣстницѣ во второй этажъ и тутъ пошелъ по заламъ, придерживаясь общаго теченія публики, то-есть военныхъ и придворныхъ, изъ которыхъ одни входили вмѣстѣ со мною, а другіе уже выходили на встрѣчу намъ. Всѣ были разстроены и встревожены; знакомые едва кланялись между собою; всѣ спѣшили кто туда, кто назадъ, и, видимо, всѣ были поражены неожиданной катастрофой.

Пройдя большое число залъ и гостиныхъ, я долженъ былъ, наконецъ, остановиться, такъ какъ дверь въ слѣдующую комнату была закрыта, и ее охранялъ старикъ сторожъ, съ цѣлой образницей медалей и крестовъ на груди и съ золотыми шевронами на лѣвомъ рукавѣ, доходившими отъ плеча почти до самаго обшлага. Я подошелъ къ нему.

— Покойнаго государя нельзя видѣть? — спросилъ я его.

— Немного запоздали вы, сударь,—отвѣтилъ онъ.— Теперь никого не велѣно пущать къ покойному. Придется вамъ обождать.

Нечего дѣлать. Въ этой же комнатѣ и въ сосѣдней стояло множество военныхъ и придворныхъ, всевозможныхъ чиновъ, всѣ въ полной парадной формѣ, которые, подобно мнѣ, опоздали и должны были ждать очереди, чтобы поклониться праху усопшаго. Ни на комъ я еще не замѣтилъ траура.

Только взводъ золотой роты, стоявшій тутъ, былъ уже въ трауръ, вполнѣ готовый содержать караулъ при тѣлѣ.

Старые воины императора Николая, облагодѣтельствованные и пригрѣтые имъ у себя, въ своихъ классическихъ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ наполеоновскихъ гренадеръ, всѣ увѣшанные множествомъ медалей и крестовъ, стояли фронтомъ, съ ружьями въ рукахъ, имѣя у своего праваго фланга двухъ маленькихъ барабанщика и флейтиста, дѣтей около двѣнадцати лѣтъ, одѣтыхъ въ такую же форму и съ такими же шапками на головахъ.

Это была одна изъ очень поэтическихъ фантазій покойнаго императора,—назначать барабанщиками и флейтистами маленькихъ дѣтей, внучатъ, а иногда и правнучатъ, тѣхъ почти столѣтнихъ стариковъ, изъ которыхъ составлялась дворцовая золотая рота.

Командиръ этой роты, тоже старый солдатъ, дослужившійся изъ ея рядовъ до чина полковника, ходилъ медленными старческими шагами передъ фронтомъ и все время ворчалъ на своихъ подчиненныхъ сослуживцевъ. Въ его глазахъ они были очень виноваты. Какъ же иначе? Эдакіе старые, закаленные въ бояхъ служаки, которые всѣмъ другимъ должны подавать примѣръ безукоризненной дисциплины, нарушаютъ ее теперь самымъ непростительнымъ образомъ и, стоя во фронтѣ, плачутъ, безпрестанно вынимаютъ платки и вытираютъ ими глаза!

— Архиповъ! — говорилъ полковникъ, обращаясь къ одному.— Ужъ отъ тебя-то я не ожидалъ этого. Спрячь платокъ! Какъ это вы всѣ

распустились! Давно я васъ не муштровалъ! А ты, Осиповъ? Что ревешь, какъ старая баба! Смотри, носъ даже покраснѣлъ, точно во хмелю сколько дней болтался. Срамники вы! Увидалъ бы батюшка, покойный, такъ онъ бы васъ...

Но тутъ полковникъ не договорилъ, что бы съ ними сдѣлалъ покойный государь, такъ какъ самъ разрыдался и, выхвативъ изъ кармана платокъ, приткнулся лицемъ къ стѣнѣ, и только глухія всхлипыванія показывали, что дисциплина сердца и у него взяла верхъ надъ дисциплиною военной службы...

До этой минуты я преодолѣвалъ себя, но видъ плачущихъ старыхъ гренадеръ поднялъ и во мнѣ невольныя слезы, и я отошелъ въ задній уголъ комнаты, чтобы скрыть отъ другихъ свое волненіе. Молодое фатовство заставляло меня скрывать свои чистыя, душевныя движенія, и я старался казаться болѣе бодрымъ, чѣмъ то дозволяли разстроенные нервы...

Прошло болѣе часа времени, а закрытыя двери не растворялись. Наконецъ, изъ нихъ вышелъ какой-то генералъ-адъютантъ, около котораго сейчасъ же столпились бывшіе тутъ военные генералы и высшіе придворные чины, засыпавъ вопросами о томъ, что дѣлается въ покояхъ почившаго императора.

— Вы напрасно будете ждать, господа,—сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.—Сейчасъ будетъ панихида, въ присутствіи вдовствующей императрицы, которая изъявила желаніе, чтобы при этомъ, кромѣ членовъ императорскаго семейства, никого не было, а послѣ того приступлено будетъ къ бальзамировашю тѣла, что продлится, вѣроятно, до вечерней панихиды. Поэтому желающихъ прошу пожаловать вечеромъ. А теперь, по приказанію министра двора, прошу васъ послѣдовать за мною, для принесенія присяги государю императору Александру Николаевичу.

Я уже присягалъ въ училищѣ, но мнѣ показалось неловкимъ уходить здѣсь отъ присяги, на виду у всѣхъ, а объяснять, что я уже присягалъ, было бы еще неудобнѣе. Да и кому бы я сталъ объяснять? Всѣ были такъ возбуждены, что никому до меня не было дѣла. Поэтому я рѣшилъ, что вѣдь бѣды никакой не будетъ, если присягну второй разъ, а потому и остался, чтобъ не обращать на себя вниманія ни своимъ уходомъ, ни заявленіемъ о присягѣ.

Эта присяга совершилась въ одномъ изъ залъ обычнымъ порядкомъ, и по окончаніи ея отправился я домой. Товарища своего, Будкина, я не встрѣтилъ, какъ оказалось послѣ, потому, что онъ опоздалъ и явился во дворецъ, когда уже никого не пускали.

Во дворецъ я болѣе не ѣздилъ, но поѣхалъ въ соборъ Петропавловской крѣпости, когда тѣло почившаго императора было перенесено туда. Его высокая грудь сильно возвышалась въ гробу, и только здѣсь, когда все тѣло опустилось, и только кости сохраняли свое обычное положеніе, я понялъ, почему онъ обладалъ такимъ мо-

гущественнымъ голосомъ, который гремѣлъ, бывало, какъ труба, отъ одного конца Царицына луга до другаго. Грудь его была необычайнаго объема и при здоровыхъ легкихъ, конечно, сообщала ему голосъ, который приравнивался къ большой и звонкой трубѣ. Не смотря на то, что лицо его въ гробу было прикрыто сложенной въ нѣсколько разъ кисеей, видно было, что оно покрыто большими темными пятнами, которые произошли, какъ говорили, вслѣдствіе не совсѣмъ удачной бальзамировки...

Заканчивая эти замѣтки, мнѣ очень бы хотѣлось высказать свой взглядъ на характеръ всей дѣятельности императора Николая Павловича, но я долженъ отказать себѣ въ этомъ естественномъ желаніи, такъ какъ при оцѣнкѣ его пришлось бы коснуться политическихъ событій его времени и той роли, которую онъ въ нихъ игралъ, а для этого не наступила еще давность историческаго времени.

Ар. Эвальдъ.